

**СДЕЛАНО  
В СССР**



**ЛЮБИМЫЙ  
ДЕТЕКТИВ**

# **КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ**

**Станислав Родионов**



Сделано в СССР. Любимый детектив

Станислав Родионов  
**Криминальный талант**

«ВЕЧЕ»

1974, 1991

## **Родионов С. В.**

Криминальный талант / С. В. Родионов — «ВЕЧЕ»,  
1974,1991 — (Сделано в СССР. Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7938-0

В книгу вошли повести классика отечественного детектива, ленинградского писателя Станислава Васильевича Родионова (1931—2010). Захватывающие сюжеты его детективов держатся не на погонях и убийствах, а на необычных преступлениях, которые совершают неординарные преступники. И противостоит им такой же необычный следователь, мастер тонкого психологического допроса, постоянный герой автора — следователь Сергей Георгиевич Рябинин. Две повести «Криминальный талант» и «Кембрийская глина» были экранизированы. Первая — в 1988 году, режиссер Сергей Ашкенази, в главных ролях: Алексей Жарков, Александра Захарова, Игорь Нефедов; вторая (под названием «Тихое следствие») — в 1986 году, режиссер Александр Пашовкин, в главных ролях: Алексей Булдаков, Владимир Кузнецов, Михаил Данилов.

ISBN 978-5-4484-7938-0

© Родионов С. В., 1974,1991

© ВЕЧЕ, 1974,1991

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Криминальный талант               | 6  |
| Часть первая                      | 6  |
| Часть вторая                      | 42 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 65 |

# **Станислав Родионов**

## **Криминальный талант**

*Серия «Любимый детектив» была удостоена  
премии МВД РФ в 2018 году*

# Криминальный талант

## Часть первая

Виктор Капличников слегка покачивался от радости. От жаркого, перемятого каблуками асфальта; от тихого горячего ветерка, в котором духов, казалось, больше, чем кислорода; от встречающих огоньков, мельтешивших в густо-синих улицах; от встречной девушки в брючном костюме... Радость была всюду. Но шла она из внутреннего кармана пиджака. Там лежал жесткий типографский прямоугольник свежего диплома. Капличникову хотелось зайти в какую-нибудь парадную. И еще раз впиться в него глазами. Но он терпел, да в парадной и помешали бы. Два часа назад у Виктора было среднее образование, а теперь высшее. Два часа назад он был токарь, а теперь инженер.

Неприятности можно переживать в одиночестве. Радость же рвется наружу, к людям. Этот диплом даже некому было показать: родители в отпуске, приятели в турпоходе. Он пожалел, что не пошел вспрыснуть это дело с малознакомыми заочниками. Конечно, можно взять бутылку хорошего вина, пойти домой, положить перед собой диплом и выпить всю емкость мелкими глотками. И сидеть в притихшей квартире перед телевизором – единственным живым существом. Но ему были нужны люди и тот городской шум, который так всем надоел.

Капличников шел по проспекту длинным рабочим шагом. На него бежали желтые фары, реклама, витрины и фонари. Из скверика вырвался запах скошенной травы, первой в этом году, и сразу посвежело. Аромат духов показался жеманным и вроде бы лишним.

У подземного перехода продавали белую сирень. Он купил большой дорогой букет, купил никому, себе. Хотел поискать в сирени цветочки с пятью лепестками и съесть на счастье, как это делал в детстве, но решил, что грех требовать у жизни еще счастья.

На углу в глаза бросились большие голубоватые буквы ресторана «Молодежный»: бросились, как откровение. Это было как раз то место, где крутилась бесконечная радость и не признавалось одиночество.

Даже не раздумывая, Капличников направился к решетчатому неоновому козырьку.

У широкой двери он одернул пиджак, трезво подмигнул швейцару и вошел в синеватый холл. В стеклянных дверях зала Капличников замешкался, не зная, как поступить с букетом. Ему почему-то захотелось сдать его гардеробщику и взять номерок – не входить же в ресторан с цветами и без женщины.

И тут он увидел ее, женщину, которая стояла у зеркала и, видимо, ждала своего мужчину. Капличников зарыл лицо в сирень, вдохнул щемящий запах и двинулся к ней.

– Это вам. От незнакомца. Просто так, – смело сказал он и протянул букет.

Она вскинула голову и широко распахнула глаза, будто он щелкнул перед ее лицом зажимкой. Но это была секунда – тут же девушка улыбнулась и взяла цветы просто, как кусок хлеба.

– Спасибо.

– Надеюсь, ваш знакомый по шее мне не съездит, – сказал Капличников и тут же спохватился: человеку с высшим образованием выражение «съездить по шее» можно и не употреблять.

– Знакомого уже нет, – усмехнулась девушка.

– Как нет? – удивился Капличников: он не представлял, что сегодня могло чего-то или кого-то не быть.

– Час жду, а его нет. Придется уходить, – ответила девушка без капли грусти, как говорят женщины о досадной мелочи, вроде поехавшей петли на чулке.

– Ну и знакомый! – удивился он.

– Шапочный.

Капличников глянул на нее иначе, словно отсутствие этого шапочного знакомого дало ему второе зрение, – девушка была симпатична и стройна, только, может, чуть широковата. Да при ее полных ногах не стоило бы носить такое короткое мини.

– Послушайте! – воодушевленно начал он.

Девушка спрятала нос в букет и вопросительно посмотрела из цветов.

– Пойдемте со мной. У меня сегодня... невероятный день.

– Почему невероятный?

– Особенный, радостный день... Я вам все расскажу. Пойдемте, а?

Она смотрела из букета весело, словно оценивала шутку – рассмеяться ли, улыбнуться. В другое время Капличников изобразил бы печаль, которая охватит его, если она не пойдет. Но сейчас на печаль он не был способен – сиял, как чайник из нержавеющей стали. Видимо, радость действует на женщину не хуже печали, потому что девушка тряхнула головой и пошла к залу. Капличников бросился вперед, распахнул перед ней тяжелый прямоугольник стекла, подхватил под руку. Рука оказалась теплой и плотной, как утренняя подушка. Девушка пахла какими-то странными духами. Он никак не мог уловить этот волнистый запах: то ландышем томным, то клейкими тополиными почками, а то просто скошенной травой, как из того сквера. И ему вдруг пришла мысль: эта незнакомка станет его второй радостью. Почему бы к одной удаче не привалить второй, еще более крупной? Почему бы этой девушке не оказаться той невероятной женщиной, о которой он иногда мечтал? Виктор Капличников еще не знал, та ли это женщина, о которой думалось, но уже чувствовал, что она не похожа на тех девушек, с кем он работал, ходил в кино и стоял в парадных.

Они пересекли зал и в самом углу обнаружили свободный столик на двоих. Это тоже была удача, пусть мелкая, но удача, которые должны сегодня сыпаться, как яблоки с дрожащего дерева – крупные и мелкие.

– Я – Виктор, – представился он, как только они сели.

– Ирина, – сказала она, подняв большие внимательные глаза.

Конечно, Ирина, не Ира, а именно Ирина – чудесное имя, которое он любил всегда.

– Какая же у вас радость? – улыбнулась она, не выпуская букет из рук, словно пришла на минутку.

– Уже стало две.

– Чего две? – не поняла она.

– Две радости. Во-первых, получил диплом об окончании Политехнического института. Инженер-механик. Радость, а?

Она кивнула. Ему показалось, что сильно своей радостью он ее не поразил. В конце концов, что такое он со стороны – еще один инженер, которых сейчас пруд пруди.

– А во-вторых?

– Во-вторых, встретился с вами.

– Еще неизвестно, радость ли это, – усомнилась она и вдруг засмеялась довольно громко и весело. Он подхватил смех, как эхо подхватывает голос. И ему сразу стало спокойнее, ничего уж такого особенного: кончил институт и встретил хорошую девушку. Тысячи людей, десятки тысяч кончают институты и встречают милых женщин. Ему стало спокойнее, потому что очень сильная радость до сих пор сжигала его энергию.

Официант налетел ветром, схватил сирень, тут же приспособил ее в вазу-кувшин из синего ребристого стекла и встал, выразив фигурой ожидание, не согнув ее ни на сантиметр.

– Что берем? – спросил было Капличников у Ирины, но тут же махнул рукой: – Сегодня я именинник. Итак, салат фирменный, цыплята табака, икра черная четыре порции...

Он все диктовал и диктовал, пока она опять громко не рассмеялась:

- Куда вы набираете?!
- Много, да? А что вы пьете?
- Только не коньяк, терпеть не могу.
- Тогда водку? И шампанское.
- Салат из свежих огурцов употребляете? – спросил официант.
- Обязательно употребим, – заверил Капличников.

Официант ушел, привычно ввинчиваясь меж столов. В полумраке под потолком медленно вращались громадные лопасти, разгоняя табачный дым по углам. Бра на деревянных панелях светились угарной синью, плывущей вверх и пропадающей над светильниками. Шумок стоял ровный, было еще рано, часов девять вечера.

- А вы правда сегодня кончили институт? – спросила она.

Капличников сначала растерялся, – ему всегда верили сразу. Он хотел тут же вытащить диплом, но опустил поднятую руку – надо ли доказывать. Да и не хотелось его доставать: не то все-таки место, где стоило размахивать дипломом, который дался не так-то легко.

- Значит, вы решили, что я придумал такой предлог для знакомства?
- Верю-верю, – улыбнулась она.
- Впрочем, чтобы познакомиться с вами, можно придумать любой предлог, – улыбнулся и он.

Официант ловко утащил белую до синевы скатерть мелькая руками, словно их было штук шесть. Но Капличников вовремя перехватил у него открытые бутылки – наливать он хотел сам.

- Мне только шампанского, – предупредила Ирина.
- Как?! – удивился Капличников. – Вы же просили водки.
- Я сказала, что не терплю коньяка, даже запаха.
- А-а-а, – понял он. – Может, рюмочку?
- Нет-нет. Зато шампанского вот этот громадный фужер.

Он налил ей вина, а себе большую рюмку водки. Официант сразу исчез. На том конце зала тихонько заиграл оркестрик, словно ждал их. Капличников взял рюмку и набрал воздуха для тоста...

- Виктор, добудьте мне сигарету. Вы, я вижу, некурящий.
- Сейчас официанту закажу, – выпустил он воздух и отставил рюмку.
- Его теперь не найдешь.
- Ну, пока стрельну.

Он вскочил и шагнул к соседнему столику, но там сидел некурящий молодой парень в очках с тремя девушками, Капличников пошел к летчику, который уже был охвачен всеобщим ресторанным братством и чуть не засадил его за свой столик выпить по одной. Но от нераспечатанной пачки сигарет ему отбояриться не удалось, хотя просил он две штучки.

Ирина кивнула и закурила с удовольствием, красиво, делая губы трубочкой. Виктор опять взялся за рюмку:

- Тут ничего, кроме старого, доброго «за знакомство», не придумаешь.
- Со свиданьем, – усмехнулась она.

И Капличников не понял – понравился ей тост или она его высмеяла. Он проглотил водку и тут же подумал, что коньяк прошел бы куда лучше. Холодная жидкость едко опустилась в желудок, но вдогонку поехал огурец – и сразу все там утихло, успокоилось, потеплело. Ирина пила шампанское медленно, отпивая и любуясь им на свет. Что-то в ней было легкое, благородное – в линии рук, в длинных отставленных пальцах, в широких глазах, точнее, в неспешном задумчивом взгляде. Виктор Капличников утащился в фирменный салат, мысленно обругав себя: брякнул дурацкий тост и залпом выжрал водку. Но тут та самая теплота, которая свернулась в желудке, как кошка в кресле, вдруг сразу оказалась в голове.

- Я о вас ничего не знаю, – сказал он.

– Вот я – вся тут.

– Это верно, – засмеялся он. – Но все-таки?

– Так и я о тебе ничего не знаю.

«Тебе» он заметил сразу, как чиркнутую спичку в темноте. Выходило, что она только внешне чопорная, а вообще-то простая, как и все девчата в мире.

– Я что, я уже о себе говорил. Работаю токарем, вот кончил институт. Теперь перейду на должность инженера. А может, не перейду, не очень хочется. Холост, двадцать восемь лет, жилплощадь имею, здоровье хорошее, вешу семьдесят килограммов, рост сто семьдесят пять, глаза карие, зубы все целы.

Она рассмеялась. Капличников довольно схватил бутылку, налил себе рюмку и долил шампанским ее фужер.

– А у меня двух зубов нет, – ответила она.

– Я это переживу, – заверил он. – Но не переживу, если вы... если ты замужем.

– Пока не собираюсь.

– Тогда я скажу еще тост – выпьем за тебя. Чтобы ты была той, какой мне кажешься.

И он вылил водку в рот, не дождавшись ее слов. Он знал, что она обязательно спросит, какой же ему кажется. Ирина выпила шампанское, взяла яблоко и ничего не спрашивала. Принесли цыплят табака. Она стала есть аккуратно и сосредоточенно.

– Кто ты? – вырвалось у него после второй рюмки.

– Откуда я знаю, – усмехнулась она.

– Как? – опешил Капличников и бросил разрывать цыпленка.

– А ты кто? – спросила она.

– Как кто? – не понял он. – Я же тебе сказал: токарь, окончил институт...

– Это место работы и образование. А кто ты?

Теперь она не улыбалась. Пышные, но короткие серебристо-белесые волосы, светлая челка, а под ней глаза – широкие, с неспешно-спокойным взглядом. Капличников подумал, что она похожа на француженку, хотя их, кроме кино, нигде не видел.

– Вот ты о чем, – протянул он, взял ее руку и поцеловал. – Да ты умница!

Она опять улыбнулась, но руки не отняла – так и осталась ее небольшая ладошка-лодочка в его широком бугристом кулаке. Он держал ее чуть касаясь, как вчера за городом скворчонка, прыгнувшего по глупости из гнезда.

– Я научный работник, – сообщила она как-то между прочим.

Как же он сразу не понял, когда у нее это на лбу написано... Наверное, кандидат наук или даже доктор – бывают в физике и математике молоденькие доктора наук со счетно-решающими машинами вместо мозгов. А он дипломом похвалялся...

Капличников хотел опять поцеловать руку, но сильная зевота неожиданно схватила челюсти. Он даже выпустил ее ладонь, прикрывая свой полуоткрывшийся рот. Видимо, сказывалась усталость последних дней, да и сегодня он поволновался.

– Ирина... Ты с кем-нибудь дружишь? Я хочу сказать, у вас... то есть у тебя... есть друг? Дурацкий вопрос, но по пьянке прощается.

– Конечно, прощается. А зачем это тебе?

– Как зачем?! – удивился он и до боли в скулах сцепил челюсти, которые хотели распахнуться в зевке. – Разве мы больше не встретимся?

– Мы еще не расстались.

– Я заглядываю вперед.

– А ты хочешь встретиться?

– Ирина, разве по мне не видно, хочу ли...

Он поперхнулся, перехватив подкатившую зевоту, тугую, как капроновый жгут. Только бы она не заметила, что он совсем валенок – зевоты еще не хватает. Капличников согнул тот жгут челюстями.

Надо было еще выпить, – водка на какое-то время снимала усталость. А усталость навалилась, будто он стоял в яме и земля осела на его голову и плечи. Он даже сейчас не знал, о чем и как с ней говорить, хотя вообще-то слыл парнем остроумным.

– Выпьем, Ирина...

– Я пропущу, – мягко сказала она. – А ты выпей, мужчина же.

Он быстро налил рюмку и торопливо выпил, словно водку могли унести. Закусывать не стал, уже не хотелось.

– Ирина, ты танцуешь?

– Конечно.

– Пойдем... когда заиграет оркестр...

Он увидел в ее глазах легкую настороженность – значит, заметила, что ему не по себе.

– Понимаешь... рано проснулся... экзамены...

Капличников обвел взглядом зал. Бра потемнели, курились серым дымом, как вулканы. Оркестр слился в одного толстого многорукого человека, который дергался марионеткой. Летчик вроде бы ему улыбался одними губами, и они, эти губы, тянулись и тянулись, превращаясь в хобот. Официанты почему-то прыгали от стола к столу, как зайцы меж кустов.

Он резко повернул голову к Ирине. Она курила, поглядывая на оркестр. Но ее струйка дыма тоже прыгала.

– Ирина... Кажется, я люблю тебя...

Она кивнула головой – он точно видел, как она согласно кивнула головой. Но тут сила, с которой он ничего не мог сделать, как с земным притяжением, ухватила его за голову. Ему захотелось на минутку, на секунду, может, на долю секунды, опереться лбом о стол.

– Ирина... со мной какая-то чертовщина...

– Бывает, – спокойно ответила она, стряхнула пепел и налила себе лимонаду.

– Ирина. На секундочку... положу голову...

Стол поехал на него, как земля на падающий самолет. Последнее, что он помнил, – это подскочивший в блюде фирменный салат, задетый его лбом. И что-то было после: или шел сам, или его вели, но этого он уже не помнил и не понимал, как бессвязный бредовый сон.

Следователь прокуратуры Сергей Георгиевич Рябинин сидел перед вентилятором, почти уткнувшись лицом в лопасти, и ничего не делал, если не считать, что он думал про телепатию. Было уже одиннадцать часов. Вентилятор жужжал мягко, с легкими перепадами, но все-таки монотонно, дремотно. Воздушная струя не была холодной – только что духоту не подпускала.

От десяти до двенадцати, на каждые полчаса, были повестками вызваны свидетели по старому заволокиченному делу, бесперспективному, как вечный двигатель. Но свидетели не шли. Рябинин знал, почему они не идут, – он этого не хотел. Проводить неинтересные допросы, да в такую жару...

Странно, но так бывало не раз: если он очень хотел, чтобы вызванные не приходили, то они не шли. Рябинин это никак не объяснял – случайность, хотя где-то оставлял местечко для гипноза, телепатии и других подобных явлений, еще мало изученных наукой. Он мог бы кое-что порассказать из этой области...

Размышления в струях вентилятора прервал следователь Юрков, в белых брюках, потемневший, опаленный, с прищуренными от солнца глазами, словно только что приехал с экватора.

– Жарко, – сказал он, сел ближе к струе и расстегнул на рубашке еще одну пуговицу.

– Юрков, я придумал восточную пословицу, послушай: потерял час – потерял день, потерял день – потерял месяц, потерял месяц – потерял год, а потерял год, сам понимаешь, – потерял жизнь.

– Это к чему?

– К тому, что я сегодня уже потерял полтора часа.

– Жарко, – объяснил Юрков.

Рябинин знал, что его сентенция о времени не направит разговор ни на восточную мудрость, ни на философскую вечность. Недавно в местной газете была статья о Юркове, где говорилось, что его жизнь – это следствие. Рябинин мог подписаться под этим. Юрков думал и говорил только о следствии. Правда, было небольшое исключение – садовый участок, но он шел после следствия.

– Клубника-то у тебя не сгорела? – спросил Рябинин.

– Поливаю, – нехотя ответил Юрков, потому что рябининские вопросы сочли иронией, как сосна смолой.

– Слушай, посеял бы ты вместо клубники опийный мак, а?

– Зачем?

– Я никогда не вел дел по двести двадцать пятой статье. Ты бы посеял, а я бы вел против тебя следствие.

Юрков даже не ответил – юмор пролетал мимо его ушей, ничего не задевая. Рябинин никак не мог понять, почему все-таки Юрков заходит к нему ежедневно, а то и несколько раз в день, словно его притягивали эти шпильки и насмешки.

– Ну и жара, – повторил он, – допрашивать невозможно.

– Да, – согласился Рябинин, – в жару допрашивать плохо.

– Трудно дышится.

– Плохо смотрится свидетель.

– Очки потеют? – поинтересовался Юрков.

– Нет, свидетели.

Юрков посмотрел на него внимательно, словно спросил – опять шутка?

– Опять шутка?

– Вполне серьезно, – заверил Рябинин.

– Ну и пусть потеют, – осторожно возразил Юрков, еще не совсем уверенный, что это не розыгрыш.

Вот теперь Юрков усмехнулся. Это был второй парадокс, которого не мог понять Рябинин: когда он шутил – Юрков окостенело замолкал; когда он говорил серьезно – Юркова начинал одолевать смех.

– Это твои штучки, – все-таки не согласился Юрков.

– Почему же штучки... Я тебе сейчас объясню.

Юрков подозрительно прищурился, словно Рябинин сказал ему не «я тебе сейчас объясню», а «я тебе сейчас устрою».

– Ты видел когда-нибудь телевизор? Ах да, ты же смотришь футбол-хоккей. Так вот: изображение на экране, а образуется оно за ним – там целая куча винтиков, диодов и всяких триодов. Представь, помутнело стекло. И сразу плохо видно. Так и человек. Мозг, психика – это диоды-триоды. Лицо – это экран. И этот экран должен быть чист; чтобы я видел: покраснела кожа от волнения или побледнела, или вспотел человек, или стал иначе дышать... Я уж не говорю про более сложные движения. А в жару лицо пышет, как блин на сковородке. Какие уж тут движения. Откуда я знаю, отчего свидетель красен – от моего вопроса или от жары?

Юрков молчал, собирая на лбу задумчивые складки.

– Может, и верно говоришь, – наконец сказал он, – да уж больно ехидно.

Рябинин пожал плечами: сколько раз он замечал, что людей чаще интересует не что говорят, а как говорят.

– Тебе, лучшему следователю, про которого пишут газеты, объясняю такие элементарные вещи. Вот поэтому я ехидный.

Юрков встал, хрустнув сильным телом, которое от работы в садоводстве еще больше стало походить на дубовый ствол с обрубленными ветками. И Рябинин подумал, что он сейчас телом сказал больше, чем словами. Но Юрков сказал и словами:

– Вся эта физиономистика для рассказов девочкам. Вот писать жарко, пот со лба утираешь, мысли путаются, вопросы не так формулируешь.

– Да, и следователь получается несимпатичный, – подсказал Рябинин.

– При чем здесь симпатичный? Я не в театре выступаю, а на работе сижу.

– Вот поэтому мы и должны быть симпатичными, культурными, умными, чтобы свидетели уходили от нас с хорошим впечатлением.

– Мне плевать, что обо мне подумают свидетели. Я не артист, а следователь.

– Следователь больше, чем артист. О плохом артисте подумают, что у него нет таланта. Он позорит театр. А плохой следователь позорит государство.

– В твоём понимании следователь такая уж фигура! Да мы обыкновенные служащие, каких тысячи.

– Нет, мы политические деятели. Посмотри, как замолкает зал, когда на трибуну выходит следователь. Как люди слушают, приходят советоваться, делятся, интересуются... Наша работа прежде всего политическая.

– Прежде всего я должен изолировать преступника!

– Если преступник будет изолирован, а у людей останется от следователя впечатление как от хама и дурака, то пусть лучше преступник ходит на свободе. Государству меньше вреда.

Юрков онемел. Даже узкие глаза расширились насколько могли. Он смотрел на Рябину и ждал следующего высказывания, еще более невероятного. Не дождавшись, он строго сказал, опять прищурив глаза:

– Мы должны бороться с преступностью.

– Нет, – возразил Рябинин, – мы должны по вечерам бегать трусцой.

– Да ну тебя, – махнул рукой Юрков и вышел из кабинета.

Он считался хорошим парнем – он и был хороший парень. Когда требовалась техническая помощь по делу или надо было перехватить пятерку на книги, поднять что-нибудь или сдвинуть сейф, Рябинин всегда шел к нему. Юрков помогал просто, между прочим, поэтому помощь не замечалась, а это – признак настоящей помощи. У него был спокойный, покладистый характер, который очень нравился начальству, да и весь их маленький коллектив ценил.

Рябинин теперь думал не о телепатии, а об абстрактном хорошем парне. Что-то мешало принять его умом – рубаху-парня, доброго, компанейского, веселого и верного. Рябинин уже не мог отцепиться от этой мысли, пока нет ей объяснения, хотя и знал, что сразу его не найдешь.

– По-твоему, – распахнул дверь Юрков, белея в проеме брюками, как дачник: только ракетки не хватало, – по-твоему, и преступник должен быть хорошего мнения о следователе?

– А как же! – сказал Рябинин и выключил вентилятор, чтобы слышать Юркова.

– Да какой преступник хорошо думает о следователе?! Они ненавидят нас, как лютых врагов.

– Неправда, – сказал Рябинин и шагнул к двери, чувствуя, как в нем затлевает полемический пыл. – Хорошего следователя они уважают.

– Какое там уважают?! Ты будто первый год работаешь... Спорят, ругаются, жалобы пишут...

– Ты путаешь разные вещи: преступник борется со следователем. Следователь для него противник, но не враг.

– Как это может быть: противник, но не враг? – усмехнулся Юрков какой-то косой улыбкой.

Он тоже распалился, что бывало с ним редко, как ливень в пустыне. Что-то задело его – даже вернулся. И Рябинин подумал, так ли уж спокойны спокойные люди, да и можно ли быть спокойным на самой беспокойной в мире работе?

– Действительно, оригинально, – согласился Рябинин. – Любой преступник знает, что следователь прав. И знает, что следователь в общем-то ему не враг, желает добра. Но преступник вынужден бороться со следователем, чтобы уйти от наказания или меньше получить.

– И вот после этой борьбы, когда преступник схлопочет лет десять, он должен сохранить обо мне приятные воспоминания?

Юрков даже кашлянул от прилившего к горлу недоумения.

– А разве нельзя уважать сильного и честного противника?

– Я его посадил, а он меня уважать? – не сдавался Юрков.

– А ты ему обязан в процессе следствия доказать всем своим моральным преимуществом, что он сидит правильно. Он должен поехать в колонию с твердым убеждением – больше не повторять. Короче, он должен еще на следствии «завязать».

– Ну что ты болтаешь, Сергей? Ведь такие бывают зеки, что их век не переубедишь.

– А если не убедишь, значит, следствие проведено плохо.

– Мое дело не его убеждать в виновности, а суд. Ясно?!

– Конечно, суд, – согласился Рябинин. – Но все-таки главное – убедить преступника. Мы же за их души боремся...

– Теперь я знаю, почему ты мало кончаешь дел, – заключил Юрков и неопределенно хихикнул, представляя это шуточкой.

– Теперь я знаю, почему про тебя пишут в газетах, – сообщил Рябинин и тоже хотел издать смешок насчет своей шуточки, но вместо него вырвались короткие фыркающие звуки, которые издает лошадь от удовольствия.

Юрков постоял, хотел, видимо, спросить про газету, а может, фыркнуть хотел в ответ, но только захлопнул дверь. И Рябинин сразу понял, почему его не восхищал просто хороший парень. Потому что выросло время, страна, люди, и усложнилось понятие «хорошего человека», как усложнились патефоны, аэропланы и «ундервуды». Потому что понять человека стало важнее, чем дать ему в долг пятерку или снять последнюю рубашку. Без хлеба и одежды можно перебиться, но трудно жить непонятым и уж совсем тяжело – непринятым.

Зазвонил телефон. В жару даже он дребезжал лениво, словно размякли его чашечки. Рябинин нехотя взял трубку.

– Привет, Сергей Георгиевич! Холода тебе, – услышал он настырный голос Вадима Петельникова.

– Спасибо, тебе того же, – ответил Рябинин, сел на стол и благодушно вытянул ноги. – Как в жару ловится преступничек?

– Нам жара не помеха, мы же не следователи, – сразу отреагировал Петельников, и Рябинин представил, какая стала мальчишеская физиономия у этого высокого двадцатидевятилетнего дяди.

– Так я и думал, – невинно признался Рябинин.

– Почему так думал? – подозрительно спросил Петельников, прыгая в ловушку.

– Видишь ли, жара действует на мозговое вещество и размягчает его, поэтому следователь работать не может. А ноги у инспектора только вспотеют.

Петельников молчал, бешено придумывая остроумный ответ. Рябинин это чувствовал по проводам и улыбался, – с Вадимом он говорил свободно, как с самим собой: любая шутка будет понята, острая шпилька парирована, брошенная перчатка поднята, а серьезная мысль замечена.

- Есть ноги, Сергей Георгиевич, которые стоят любой головы.
  - Наверное, имеешь в виду стройные женские? – поинтересовался Рябинин.
  - Женские! – крикнул Петельников. – Да ты знаешь, сколько километров в день проходят обыкновенные кривоватые ноги инспектора уголовного розыска?
  - Чего ж они ко мне давненько не заворачивали? – спросил Рябинин.
  - Про это и звоню, – признался Петельников.
  - Давай сегодня, – сразу предложил Рябинин.
  - После обеда жди.
- Рябинин знал, как его ждать...

Можно ждать машиниста с линии, летчика из рейса и капитана из плавания, потому что они прибывают все-таки по расписанию. Но никогда не стоит ждать инспектора уголовного розыска – ни другу, ни жене, ни матери. У инспекторов нет рабочих дней и рабочих часов, нет графиков и расписаний, и слова твердого нет... Какое он может дать слово, если его время зависит от какой-нибудь пропившейся дряни, которая притихла в темной подворотне. И завывли сирены машин, и только успеет схватить инспектор электробритву и чистую рубашку. Тогда его можно ждать сутки, неделю или две. Тогда жена может днями напролет думать, почему, по какому закону она не имеет права видеть любимого человека и куда можно на это жаловаться. Только сынишка вздохнет в детском саду и загадочно скажет ребятам, что у папы опять «глухарь». Тогда и старая мать всплакнет, не от страха за сына, хотя всякое бывает на такой окаянной работе, а всплакнет просто так, потому что старые матери любят иногда плакать. Но инспектор не придет домой и его лучше не ждать: когда не ждешь – быстрее приходят. Он может появиться посреди ночи или дня; может выйти с соседней улицы, а может прилететь с другого конца Союза: заросший, несмотря на взятую электробритву, осунувшийся и веселый. Значит, та пропившаяся дрянь уже там, где она должна быть. Значит, нет больше «глухаря». А инспектор будет спать два дня, потом будет есть два дня, а потом – потом опять зазвонит телефон и екнет сердце у жены, испугается мать и накупится ребенок.

Виктор Капличников открыл глаза. Сначала ему показалось, что над ним белый выгоревший шатер-палатка. Но этот шатер уходил вверх, в бесконечность. Его серая мглистая ширина была ровно посередине перечерчена нежно-розовой полосой, словно собранной из лепестков роз. И он понял, что перед ним раннее небо; что там, наверху, уже есть солнце, и оно коснулось следа реактивного самолета. И тут же в его уши ворвался скандальный гомон воробьев, которые дрались где-то рядом. Тело содрогнулось от раннего росного холода. Капличников уперся во что-то руками и резко сел.

Он оказался на речной скамейке в сквере, в том самом сквере, запах которого разносился вчера по проспекту. Смоченная росой, трава сейчас пахла терпким деревенским лугом. За аккуратной ниткой каких-то желтых цветов стоял игрушечный стожок первой травы, сочной и влажной, как нашинкованная капуста. По красноватым дорожкам бегали голуби. Было еще тихо, только где-то за углом шла поливальная машина.

Капличников потер сухими руками лицо и встал, разминая тело. Сразу заныли правый бок и спина – видимо, отлежал на деревянных планках. Он стал ощупывать себя, как врач больного. И вдруг рванулся к карману пиджака – диплом был на месте. Капличников облегченно выругался в свой собственный адрес.

Он сел на скамейку – надо было прийти в себя. Напиться в такой день, как мальчишка... Первый раз в жизни он ночевал подобным образом. Хорошо, что нет дома родителей. Он абсолютно все помнил, даже помнил подпрыгнувший от его лба фирменный салат, когда голова рухнула на стол. Помнил Иринины глаза, которые в ресторане смотрели на него укоризненно. Напиться в такой день, когда получил диплом и познакомился с девушкой, которая теперь исчезла в громадном городе, как запах цветка в атмосфере. Видимо, уж так устроена жизнь – с

балансом, чтобы человек не лопнул от радости. В конце концов, он и мечтал-то о двух радостях – о дипломе и женщине. О дипломе инженера-механика, который он получил вчера. И о женщине, с которой бы он стеснялся, с которой не знал бы, как говорить, и которую невозможно было бы повести в парадную или на темную лестницу. Вчера он с этой женщиной познакомился. Конечно, она сразу же ушла, как только он заснул на столе.

Капличников хотел еще раз выругаться, но представил Ирину и только вздохнул. Он потряс пиджак, почистил рукой брюки и стал шарить по карманам. Все документы были на месте, но денег не было – сто шестьдесят рублей как корова слизнула. Все-таки обчистили его, пока он спал, или выронил где. Но это не очень беспокоило: диплом цел, а деньги дело наживное.

Он пошел по хрустящей кирпичной крошке и свернул на улицу. Город медленно просыпался, начиная где-то вдалеке тихонько шуметь. Пока на улице, кроме дворников и голубей, никого не было. Но через полчаса люди пойдут, да и сам бы он встал на работу через полчаса. Хорошо, что ему сегодня никуда не идти. Домой не хотелось, и он решил побродить до жары по свежим политым улицам.

Виктор Капличников был человеком въедливым и дотошным. Только эти качества и помогли ему кончить заочно институт, что не так-то просто. Сейчас у него возникло такое ощущение, будто ему задали задачу, а он ее не решил. Он не понимал, откуда оно. Вроде никто и ничего не задавал. Память привычно побежала к сессиям и проектам, но там все было кончено, там все в порядке. Неужели этот сквер вопросом вмялся в сознание, как кнопка в подошву ботинка?

Уже начали попадаться люди, и вовсю побежали трамваи и троллейбусы. Кто спал, кто просыпался. А кто не спал, вроде него, тот шел домой – с ночной смены, с вокзала... Он шел из сквера, потирая лоб, стараясь вспомнить, когда же последний раз напивался вот так, до скамеечки. Память вытащила только один факт – в восемнадцать лет на какой-то свадьбе. Но это было давно.

Заметно потеплело, и сразу на асфальт легла сушь. Капличников ходил по тихим улицам, а потом стал бродить вдоль парка под громадными липами. Тут еще сохранялась свежесть, и легче перебирался в памяти вчерашний вечер. Одно обстоятельство не давало ему покоя, одно неизвестное. Он погладил небритую щеку и посмотрел на часы – девять. Капличников вышел из липовой тени и побрел к центральному проспекту.

Жара уже распласталась по улицам, но асфальт пока был тверд. Капличников не понял – специально он шел к ресторану или случайно оказался в этом месте проспекта. Над ним висели стеклянные буквы. Потухшие, они не смотрелись, как любительница косметики после бани.

Он побрел к толстым стеклянным дверям, оправленным в блестящую раму из нержавеющей стали. С той стороны их натирал вчерашний швейцар. Капличников остановился. Швейцар раза два глянул на него и показал пальцем на табличку – ресторан работал с двенадцати дня. Тогда Капличников тихонько стукнул в дверь. Швейцар нехотя положил тряпку и приоткрыл дверь:

– Чего тебе, парень? Закрыто еще. А выпить можешь вон там, в подвальчике.

– Я не выпить. Был вчера у вас. Не помните меня?

– Сказанул. Тут за день столько бывает, что голова от вашего брата дурится без всякого алкоголя.

– А девушку видели? Беленькая, с челочкой...

– Даешь, парень, – окончательно удивился швейцар. – Тут девушек проходит за вечер сотни две, а то и три. И беленькие, и серенькие, и синенькие ходят, и в брючках, и в максиях, а то и без юбок, считай. Ресторан, чего уж...

Швейцар был в рабочем черном халате, без формы, с морщинистым загорелым лицом старого рабочего человека, – вечером будет стоять в белой куртке с блестящим позументом, улыбаться и открывать дверь.

– А ты чего хотел, парень? Обсчитали?

– Да нет. Хотел узнать, как я отсюда вышел, – улыбнулся Капличников.

– Не помнишь?

– Не помню.

– Ничего, бывает. У меня работа, парень, такая: впустить трезвого, выпустить пьяного. А тебя не помню. Физиономия у тебя нормальная, как у всех.

Капличников побрел дальше. Затем ускорил шаг и вскочил в троллейбус. Каждая задача должна быть решена. Этому его учили в школе и в институте. Возможно, он ошибается. Но тогда пусть ему объяснят, что никакой задачи нет или она не имеет решения.

Старший инспектор уголовного розыска Вадим Петельников выглянул из кабинета, посмотрел, нет ли к нему людей, захлопнул дверь и закрылся на ключ. Сбросив пиджак, он достал из стола маленький квадратный коврик и положил на пол. Потом вздохнул, закрыл глаза и вдруг ловко встал на голову. Желтые с дырочками ботинки сорок третьего размера повисли там, где только что была голова. Оказавшись внизу, лицо покраснело, как инспекторское удостоверение. Сильно бы удивились сотрудники отдела уголовного розыска, увидев Петельникова, стоящего вверх ногами.

Не прошло и минуты, как в дверь слабо постучали. Петельников внизу чертыхнулся, но вспомнил, что надо сохранять космическое спокойствие, а то прстоишь без пользы. Стук повторился.

– Сейчас! – крикнул Петельников, но голос увяз во рту, будто его накрыли подушкой.

Он чертыхнулся еще раз и встал на ноги. Закатав рукава и поправив галстук, Петельников нехотя открыл дверь.

В кабинет неуверенно вошел небритый парень с усталым лицом. Хороший коричневый костюм был в белесых длинных пятнах-полосах, словно его били палками.

– Садитесь, – буркнул Петельников.

– Я обратился к дежурному, а он послал к вам. Понимаете, я не жалуюсь... а просто поговорить.

– Можно и поговорить, – согласился Петельников, – была бы тема интересной.

Парень не улыбнулся – серьезно смотрел на инспектора. Петельников уже видел, как то, о чем он хочет поговорить, вьелось в него до костей.

– Как вас звать? – на всякий случай спросил инспектор.

– Капличников Виктор Семенович. Понимаете, я вчера получил диплом. Знаете, радость и все такое прочее...

Он стал рассказывать все по порядку, поглядывая на инспектора спрашивающими глазами – интересно ли тому. Но по лицу Петельникова еще никто ничего не смог определить. Слушал он внимательно.

Капличников кончил говорить и помахал бортами пиджака, – было жарко.

– А вы снимите его, – предложил инспектор.

– Нет, спасибо.

Он стеснялся. Тогда Петельников щелкнул выключателем вентилятора и направил струю воздуха на посетителя.

– Все рассказали?

– Все.

– Бывает: выпили, закусили, ели мало, жара, – усмехнулся инспектор, сразу потеряв к нему интерес.

– Вот я и пришел поговорить.

– О чем?

– Понимаете, выпил-то я всего три рюмки, это хорошо помню.

– Только три?

– Ровно три. Правда, рюмки немаленькие, но при моей комплекции... Да я и бутылку водки выпивал на спор... И до дому доходил, и соображал все.

– Ну, это раз на раз не приходится, – возразил Петельников и пошарил в пиджаке трубку, но вспомнил, что не выдержал насмешек Рябина и забросил ее дома в сервант. Он закурил сигарету, пуская дым поверх струи воздуха от вентилятора.

– Я упал на стол, силы кончились, и больше почти ничего не помню. А как же дошел до сквера?... Сам не мог.

– Могла она благородно довести, а потом надоело. Эх, товарищ Капличников, мне бы ваши заботы. Заявление о краже писать не стоит: вытащили у вас деньги, сами потеряли – неизвестно.

– Потом еще вот что... Перепьешь, на второй день состояние похабное. А тут проснулся – ничего, немного не по себе, но ничего.

– Сам-то что подозреваешь? – перешел Петельников на «ты».

– Не знаю, – признался Капличников. – Поэтому и пришел.

– А я знаю, – весело сказал инспектор и встал. – Жара! Вчера днем стояло двадцать восемь. Для наших мест многовато.

Капличников тоже поднялся – разговор был окончен. Оставалось только уйти. Он уже шагнул к двери, но она приоткрылась и заглянул моложавый седой майор с университетским значком.

– Заходи, Иван Савелович. Вот кто большой специалист по алкоголизму – начальник медвытрезвителя, – представил его Петельников, довольный посещением.

Подтянутый майор улыбнулся, четко шагнул в кабинет, пожал руку инспектору и коротко кивнул Капличникову.

– Иван Савелович, от чего зависит опьянение? Вот товарищ интересуется.

Майор повернулся к Капличникову и серьезно, как на беседе в жилконторе, сообщил:

– От количества выпитого, от крепости напитков, от привычки к алкоголю, от общего состояния здоровья, от желудка, от закуски, от температуры, от настроения... Но самое главное – от культуры человека. Чем культурнее человек, тем он меньше пьянеет.

– Ну уж, – усомнился в последнем Петельников.

– Потому что культурный человек много не пьет. И культурный человек пьет не для того, чтобы напиться.

– Иван Савелович, а ты разве инженеров не вытрезвляешь? – засмеялся Петельников.

– Бывают. Но ведь я говорю не о человеке с дипломом, а о культурном человеке, – хитро прищурился майор.

Капличников понял, что весь этот разговор затеян для него. Не надо было ходить в милицию, не то это место, куда ходят с сомнениями. Он сделал шаг к двери, но майор вдруг спросил, повернувшись к нему:

– А что случилось?

– Да вот товарищ в недоумении, – ответил за него инспектор, – выпил в ресторане всего три рюмки, опьянел и ничего не помнит.

– А пил один на один с женщиной, – уверенно сказал майор.

– Точно, Иван Савелович. А откуда ты знаешь? – поинтересовался Петельников, и в его глазах блеснуло любопытство.

– Пусть товарищ на минуточку выйдет, – попросил начальник вытрезвителя.

Когда Капличников ушел, Иван Савелович сел к столу и расстегнул китель. Петельников сразу направил на него вентилятор. Майор блаженно сморщился, ворочая головой в струе воздуха.

– Вадим... Ко мне поступила подобная жалоба на той неделе.

– Какая жалоба?

– От вытрезвляемого. Познакомился с девушкой, выпил буквально несколько рюмок... И все, как в мешок зашили, ничего не помнит. Я сначала не поверил, а потом даже записал его адрес.

– Ну и что это, по-твоему?

– Откуда я знаю. Ты же уголовный розыск.

Петельников подошел к окну, потом прошагал к сейфу и вернулся к столу, к майору. Он хотел закурить, но вспомнил, что уже курил да и борется с этим делом, поскольку стоит на голове.

– Деньги пропали?

– Да, рублей сто двадцать.

Иван Савелович достал из кителя записную книжку, полистал ее и вырвал клочок:

– Возьми, может, пригодится.

– А других случаев не было?

– Вроде не слышал.

Петельников одеревенело смотрел на майора, будто неожиданно проглотил что-то несъедобное. Была у него такая несимпатичная привычка: замрет, уставится на человека черными волглými глазами и замолчит. И не знаешь – думает ли он, приступ ли у него какой или хочет сорваться с места, как бегун на старте.

– Чего-то я расселся, – сказал Иван Савелович и застегнул китель, – мне же к начальству райотдела надо.

Он встал, аккуратно надел фуражку и протянул руку ожившему инспектору.

– Неужели пьют в такую жару? – поинтересовался Петельников.

– Выпивают. Отдельные лица, – уточнил начальник медвытрезвителя и направился из кабинета своим широким спортивным шагом. Инспектор пошел за ним, выглянул в коридор и кивнул Капличникову. Тот поднялся нехотя, опасаясь, что будут читать мораль. Да и усталость вдруг появилась во всем теле, словно его ночь мочалили. Особенно помятой была спина – при глубоком вдохе она как-то задубевала и по ней словно рассыпались мелкие покалывающие стеклышки.

Инспектор достал чистый лист бумаги и положил перед ним:

– Опиши все подробно, каждую мелочь.

Капличников молча начал писать, ничего не пропуская. Инспектор поставил носок ботинка на торчавший ящик стола, сцепил руки на колене и замер, врезавшись взглядом в потерпевшего, теперь уже потерпевшего, только неизвестного от чего. Петельников разгребал в памяти уголовные дела, материалы, заявления и всякие случаи, которыми набита голова любого работника уголовного розыска, как судейский архив. Ничего подходящего не вспомнилось. Тогда он перешел к женщинам, которые были на примете, но ни одна из них не подходила к этой истории ни с какой стороны.

– Кончил, – сказал Капличников и протянул бумагу.

Инспектор внимательно пробежал объяснение: все описано, даже салат и цыплята.

– Официанта опознаешь?

– Маленький ростом... Нет, – решил Капличников.

– А ее опознаешь? – прищурился инспектор.

– Конечно, – сразу сказал Капличников, представил Ирину, и в памяти мелькнула белая челка и большие глаза, уплывающие в голубой мрак ресторана. Он попытался увидеть ее губы,

нос, щеки, но они получались абстрактными, или он их лепил со знакомых и даже инспекторский крупный нос посадил под челку. Одна эта челка и осталась – белая, ровненькая, с желтоватым отливом, как искусственное волокно. Да замедленный взгляд...

– Опознаю... может быть, – вздохнул Капличников.

После обеда жара спала, сползла с людей, оставив подсыхать их липкие вялые тела. В раскрытое окно дунул свежий ветерок. Говорили, что он с Арктики. Где-то уже перекатывался гром. И сразу захотелось что-то делать.

Рябинин открыл сейф, рассматривая полки, как турист завалы бурелома. Этот металлический ящик удивлял: сколько ни разбирай его нутро, через месяц там скапливались кипы бумаг, которые, казалось, самостоятельно проникали сквозь стальные стенки. Они откладывались толщами, как геологические формации. Старые бумаги уходили вниз, куда-нибудь в архей, а сверху ложились вчерашние-позавчерашние, а уж на самом верху тонким почвенным слоем залегли два уголовных дела и срочные документы. Они не проваливались в толщу и держались на поверхности, потому что были в работе.

Раза два в год Рябинин принимался за эти полки. Он посмотрел на часы – Петельников не шел – и выдернул погребенную пачку, перевязанную шпагатом...

Письма из колонии, штук десять. Рябинин взял одно и развернул тетрадный листок: «... а я к вам обязательно зайду, и даже приглашу вас к себе в гости, если, конечно, согласитесь. А почему не согласитесь? Ведь к вам придет не Витька-скуловорот, он же Хмырь-домушник, а придет Виктор Вершелев. Оно верно, что в колонии все завязывают. Но у меня другое. Вы мне говорили: хочешь быть человеком – больше думай. Вот позову я вас в гости через три года и открою тетрадку, толстую, куда пишу все вопросы, а за три года их скопится. Раньше-то я был что темная бутылка...» Рябинин вздохнул и отложил пачку в сторону – такие письма он не выбрасывал.

Затем вытащил длинный лист бумаги, исписанный острым коленчатым почерком: «Товарищ следователь! Я уже обращался всюду – в исполком, в горздрав, в газету, к товарищу Клуникову и в санэпидстанцию. Все это равно нулю. Теперь обращаюсь к вам, как к следственному органу. Убедительно прошу определить причину зарождаемости воздуха в моей комнате...» Письмо полетело в корзину – проситель был уже в психиатрической больнице.

Официальное письмо на бланке: «Следователю прокуратуры, юристу I класса, т. Рябинину. Напоминаю, что труп неизвестной женщины находится в холодильнике морга с восемнадцатого июля, то есть уже месяц. Прошу ускорить решение вопроса о захоронении. Зав. моргом». Он помнил это дело, которое и заключалось в опознании погибшей женщины. Тогда много было переписки, потому эта бумажка не попала в дело. Он порвал ее.

Толстая папка вспухла, словно размокла. Этой папкой Рябинин частенько пользовался при опознании, потому что фотография преступника предъявлялась среди карточек других лиц. Он развязал ее, чтобы уложить фотографии ровнее, – и десятки физиономий, мужских и женских разных возрастов и национальностей замельтешили перед ним. Эту папку он пополнял всегда.

Еще одна папка, объемистая, как чемодан. Здесь копии обвинительных заключений, которые Рябинин тщательно собирал. В ней лежала вся его следственная жизнь дело за делом, с самого первого обвинительного, короткого и смешного, как юмористический рассказ, до последнего, толстого, отпечатанного на ротаторе.

Пять толстых, испещренных цифрами, конторских книг, которые изучались, но не требовались для последнего дела, надо отправить в бухгалтерию комбината.

Узкий сверток, в котором оказалась самодельная финка с длинным, тускло блеснувшим клинком и тупой пластмассовой ручкой. У каждого следователя найдутся в сейфе один-два ножа, грубо выделанных рукой подростка какой-нибудь кастет с дырками-глазницами или заточенный ломик, которым можно и замок взломать, и калеккой сделать. Рябинин не терпел этих

орудий, больше ощущал их лопатками, чем видел взглядом. Эту финку он помнил хорошо – была целая история с подростком, любовью, мстостью и этим самым ножом. Да и любая вещь или бумага в сейфе когда-то имели свои истории, которые иначе назывались уголовными делами.

Рябинин извлек бланк протокола допроса и хотел уже положить его в стол, но на свету сдвоенная бумага показалась темной, исписанной. Он разлепил листы. Они были заполнены отчеркнутыми фразами в кавычках – пером и шариком, синими чернилами и зеленой пастой, быстрые и тщательно выведенные, и даже одна напечатана на машинке. Таких листков, куда он писал кусочки из жалоб, заявлений и разных бумаг, в сейфе валялось много. Рябинин улыбнулся – эти фразы в официальном протоколе не смотрелись, как стихи на бланке:

«...этим я не хочу сказать, что я ангел. Нет, я далеко не эта птица. Если мне выбьют один глаз, я стремлюсь выбить оба».

«Он вставлял в разговор нецензурные слова, какие мужчины употребляют для связи слов».

«Статья 140 Конституции гарантирует старость каждому человеку».

«Товарищ прокурор! Прошу выйти мне навстречу».

«Я решил высказать все за нетактичное поведение и, конечно, употребил мат, но не в смысле угрозы, а как есть на самом деле».

«Прошу моего мужа простить и возратить в семью в первобытном состоянии».

Рябинин полез в правый угол сейфа – там еще лежали бумажки с подобными афоризмами.

А Петельников не шел.

Сейчас Петельников прийти не мог. Он уже съездил по адресу, который дал начальник медвытрезвителя, и привез гражданина Торбу, отыскав его на работе. Теперь инспектор сидел в углу, в громадном старом кресле, в котором по ночам научился спать сидя. В комнате стояла тишина, диковинная для кабинетов уголовного розыска.

Торба писал объяснение – они уже часа полтора беседовали, если можно посчитать за беседу вопросы инспектора и телеграфные ответы вызванного, перемешанные с нечленораздельным мычанием. На тренированные нервы Петельникова это никак не действовало, хотя он уже поглядывал на хмурого парня острым черным взглядом. Тот писал долго, потев и задумываясь, словно сочинение на аттестат зрелости.

– Ну все? – спросил Петельников и нетерпеливо встал.

Торба молча протянул куцую бумагу. Инспектор прочел и задумчиво глянул на него. Торба уставился в пол.

– Тебе что? – спросил Петельников. – Ни говорить, ни писать неохота?

– Мне это дело ни к чему, – буркнул Торба, водя глазами по полу.

– Нам к чему, – резко сказал инспектор. – Если вызвали, то надо отвечать, ясно?

– Отвечаю ведь.

Петельников еще раз посмотрел объяснение – куцый текст этого нелюдима лег на бумагу, как птичьи следы на снег. Одно утешение: если возбудят дело, то следователь допросит и запишет подробно.

– Кроме белой челки ничего и не помнишь? – еще раз спросил инспектор, рассматривая красное пухлое лицо парня, завалившиеся внутрь глазки, волосы до плеч и несвежую сорочку.

Торба подумал, не отрываясь от пола:

– Такая... ногастая.

– Ногастая, значит?

– Ага... И грудастая.

– Ну что ж, неплохо. Покажи-ка мне, где вы сидели?

Петельников достал лист бумаги и быстро набросал план ресторана – он все их знал по долгу службы. Торба ткнул к входу, в угол. Инспектор поставил красным карандашом жирный крест и спросил:

– Ну о чем вы хоть говорили-то?

– Об чем? – задумался Торба, натужно вспоминая тот вечер в ресторане.

– Давай-давай, вспоминай.

– Ни об чем, – вспомнил Торба.

– Да не может этого быть, юный ты неандерталец, – ласково сказал Петельников, посмотрел на его лицо и подумал: вполне может быть.

– Мы ж только познакомились...

– Ну и молчали?

– Сказала, звать Клава. Налили. Поехали. Закусили, значит.

– Ну а дальше?

– Налили еще. Поехали. Закусили, как положено...

Петельников вздохнул и прошелся по кабинету. У него хватило нервов слушать этого парня, но не хватало терпения – оно кончилось. Важна каждая мелочь, каждая деталь лица, каждое ее слово ценно, как в рукописи классика... Таких свидетелей давненько не встречалось. И Петельникову захотелось съездить его по шее, потому что в наше время за серость надо бить.

– Может, ты ей стихи читал?! – гаркнул инспектор, и парень от неожиданности вздрогнул.

– Зачем... стихи?

– Надо! – орал Петельников. – Положено женщинам стихи читать!

– Не читал.

– Чего ж так?!

– Какие... стихи?

– Ну хотя бы прочел сонет «Шумел камыш, деревья гнулись...»

Парень оживился и понимающе усмехнулся.

– Подозреваю, что у тебя есть гитара, а? – спросил инспектор.

– Есть, – подтвердил Торба.

– И магнитофон, а? И телевизор, а?

– Ага, – согласился парень.

– Выбрось ты их, голубчик, не позорь наш просвещенный век. Не позорь ты наше всеобщее образование. И читай, для начала по капле на чайную ложку, то есть книжку в год. А потом по книжке в месяц. Иди милый. Еще вызову.

Торба моментально вскочил и пошел из кабинета не простившись. Это был второй потерпевший, у которого пропало сто двадцать три рубля.

Петельников чувствовал, что его любопытство до хорошего не доведет – добровольно вешать на себя сомнительное дело, по которому нет свидетелей, а оба потерпевших ничего не помнят и никого не смогут опознать. Верный добротный «глухарь»; будет висеть с годик, и будешь ходить больше к начальству оправдываться, чем вести оперативную работу. А ведь этих ребят просто было убедить, что с ними ничего не случилось. Да и сам Петельников не уверен – случилось ли что с ними...

Он усмехнулся. Если бояться «глухарей», то не стоит работать в уголовном розыске. А если не быть любопытным, то кем же быть – службистом?

Рябинин разобрал сейф и сложил в одну пачку разрозненные листки со смешными выписками. Он еще улыбался, когда, стукнув на всякий случай в дверь, в кабинет шагнул Вадим Петельников.

– Вспомнил анекдот, Сергей Георгиевич? – спросил инспектор и тоже улыбнулся, погребая руку следователя в своей широкой ладони.

– Зачем ты сразу раскрываешься? – печально вздохнул Рябинин.

Петельников сел на стул и расстегнул пиджак, полыхнув длинным серебристо-оранжевым галстуком с толстенным модным узлом. Инспектор осторожно молчал, зная, что вопросом он нарвется на шпильку, как на неожиданную занозу в перилах.

– Как это раскрываюсь? – все-таки спросил Петельников, чтобы узнать, какова она, эта шпилька.

– Человек улыбается. А почему человек может улыбаться? Анекдот вспомнил, водки выпил, женщину увидел... Типичный ход мыслей работника уголовного розыска.

– У нас не прокуратура, Сергей Георгиевич, улыбаться некогда.

– Да?! – удивился Рябинин. – А я не доверяю людям, которые не улыбаются.

– Да?! – теперь удивился Петельников. – Я вчера часа два беседовал с одним завмагом. Он мне всю дорогу улыбался. Рот открыл, губы растянуты – и сидит, как незастегнутый портфель. А почему? Недостача у него крупная.

– Завмаг не улыбался, а ухмылялся. А ты у меня улыбнешься, – следователь протянул листки.

Смех охватил инспектора сразу – он вообще легко поддавался веселью.

Рябинин никогда не смог бы объяснить, что в этом не очень интеллигентном смехе инспектора особенного. Не смог бы объяснить, как он в этом смехе видит широту, силу и ясность души. А может быть, он просто хорошо знал Петельникова по оперативной работе.

Рябинин поморщился – так сладко думать о человеке нельзя, да еще в его присутствии, да еще зная наперечет его недостатки.

– Могу пополнить коллекцию, – перестал смеяться инспектор. – Вчера получил заявление. Как там... Ага... «Прошу соседа по моей жалобе не привлекать, так как вчера он попросил у меня прощения и три рубля».

Рябинин усмехнулся, действительно записал и спросил:

– А ты что такой нарядный?

– По этому поводу и пришел.

– Спросить, пойдет ли тебе жабо? Кстати, разрешается работникам уголовного розыска носить жабо?

– Хоть корсет, лишь бы «глухарей» не было.

Петельников не улыбался. Рябинин видел, что он уже думал о том, ради чего пришел.

– Давай, Вадим, выкладывай. У тебя, я вижу, какая-то детективная история.

– Сам знаешь, Сергей Георгиевич, что у нас детективных историй не бывает.

– Это верно, – вздохнул Рябинин. – Сколько работаю, и ни одной детективной истории. Что такое уголовное преступление? Сложная жизненная ситуация, которая неправильно разрешается с нарушением уголовного Кодекса. Впрочем, иногда и несложная.

– А писатели эту ситуацию придумывают.

– Пожалуй, дело даже не в придумке, – медленно сказал Рябинин. – А в том, что они эту ситуацию ради занимательности безбожно усложняют, чего не бывает в жизни. Жизнь, как и природа, выбирает самые краткие и экономичные пути. Например, труп. Ведь чаще всего он лежит на месте убийства. А в детективах он в лифтах, чемоданах, посылках...

– Даже в сейфах, – вставил Петельников.

– Даже в холодильнике, я читал. Кстати, у меня есть английский детективчик.

– Ну?! – оживился инспектор, смахнув на миг заботы.

– Можешь не просить, завтра принесу. Слушай, а почему мы любим детективы? Казалось, нам на работе уголовщины хватает...

– Потому что закручено.

– Это верно, – согласился Рябинин и тут же добавил: – Потому что детективы никакого отношения к уголовным делам не имеют. Это просто оригинальный жанр литературы.

– Попадается и неоригинальный. А почему бы тебе, Сергей Георгиевич, не написать детективную повесть? – вдруг весело спросил Петельников и не то чтобы хитро посмотрел, а как-то слишком серьезно для такого легковесного вопроса.

Рябинин замолчал, словно забыл, о чем они говорили. Ему стало слегка неприятно, будто он что-то тщательно спрятал, а оно, это спрятанное, оказалось торчащим на виду. Вот так шел он как-то по безлюдной улице, думал очень плохо об одном человеке, не собиравшись никого встретить, но повернул за угол, столкнулся с тем самым человеком нос к носу. Рябинин не успел изменить выражения лица и до сих пор убежден, что тот увидел его мысли. Здесь было проще – Петельников заметил, что он готовит материал впрок, как хозяйка осенью консервы.

– Нет, Вадим, – вяло ответил Рябинин, – я плохо играю в шахматы, с математикой не в ладах... А чтобы написать детектив, надо рассчитать двадцать ходов вперед.

– То-то и рассчитывают, – буркнул Петельников. – Прочел тут милицейский детектив известного автора, не одну книгу написал, кино ставили... И вот читаю, что инспектор уголовного розыска заезжает к прокурору взять ордер на арест. Здорово?! Как просто – заехал и взял. И неужели редактор не подсказал, что у нас нет ордеров на арест! Потом заезжает за ордером на обыск, у нас их тоже нет. Автор Сименона начитался.

– Ну, бог с ними, с детективами. Что у тебя?

Петельников начал рассказывать. Он сел поплотнее, выпрямился, застегнул пиджак и как-то подтянулся, словно на нем оказался китель капитана милиции, в котором Рябинин видел его только однажды. Видимо, так он докладывал розыскные дела начальнику уголовного розыска или в Управлении внутренних дел.

– Ну вот, – заключил его рассказ Рябинин, – а ты говоришь, нет детективов.

– По-моему, здесь больше телепатии, – пожал плечами инспектор.

– Сегодня я уже телепатию вспоминал, – усмехнулся Рябинин. – Ну, начнем по порядку. У нас два потерпевших, два эпизода.

Рябинин встал и пошел по кабинету. Инспектор, который уже расслабился, вынужден был подтянуть свои длинные ноги в матово-белых брюках и молочных ботинках.

– Потерпевшие сидели в разных местах?

– Один в углу, второй у входа – разные концы зала.

– Обслуживал один и тот же официант?

– Разные.

– Так. Какой разрыв во времени между эпизодами?

– Пять дней.

– И оба потерпевшие отмечают сонное состояние?

– Сначала. А потом теряли сознание.

– Они просто заснули, – буркнул Рябинин.

Он снял очки и стал протирать их, дыша на каждое стекло и засовывая его почти целиком в рот. Петельников ждал, наблюдая за этой процедурой. Рябинин посмотрел очки на свет, надел их, сел за стол и, взглянув на галстук инспектора, сообщил:

– Сегодня было градусов двадцать восемь.

– Ну? – удивился Петельников, уселся поудобнее и оглушительно хрустнул стулом.

Они немо смотрели друг на друга, будто чего-то выжидая. Петельников слегка выкатил черные заблестевшие глаза – они у него всегда чуть выкатывались от недоумения или тихой злости. Сейчас наверняка от недоумения. Рябинин знал это и улыбнулся.

– Ну, если нечего сказать, как выражаются, по интересующему нас вопросу, то и двадцать восемь градусов сойдет, – заключил инспектор и элегантно жестом поправил галстук.

– Они наверняка пили водку, – вдруг сообщил Рябинин.

– Водку, – подтвердил Петельников.

– По ее предложению, – утвердил Рябинин.

- Первый по ее предложению, а второго не спросил.
- Можешь не сомневаться, – заверил Рябинин.
- Ну и что? – пожал плечами инспектор. – Кто что любит.
- Дело в том, что в коньяке есть букет, а в водке... Вадим!

Рябинин театрально отпрянул от стола. Он тряхнул лохматой головой, сморщил нос, взбугрил щеки, прищурил глаза и стал водить стеклами по инспектору, что означало скептический взгляд. Петельников его перетерпел серьезно, как ненужную шутку.

- Вадим! – все еще прищуриваясь, спросил Рябинин. – Ты меня не разыгрываешь?
- Только за этим и пришел.
- Я не верю, что у тебя нет никаких соображений.

Петельников шевельнулся на стуле. Он переложил ноги из-под стола к стене. И уперся в нее, хрустнув теперь грудной клеткой, которой без движения было тесно под пиджаком.

– Понятно, – заключил Рябинин. – Соображение есть, но ты в нем не уверен. И я знаю почему. Мы только что честили писателей, которые закручивают. Еще раз торжественно заявляю: природа, жизнь и преступник без нужды сложных путей не выбирают...

– Думаешь, снотворное? – неуверенно спросил Петельников.

– Разумеется. А посмотри, как все просто и, я бы сказал, красиво. Попробуй женщина обворовать мужчину. Нужно вести на квартиру, а он еще запомнит адрес. Надо напоить, да ведь не каждый напьется. Потом надо лезть в карман. А тут? Снотворное в бутылку – и води в парадную или сквер. Просто и естественно. И редко кто пойдет жаловаться, не поймут или постесняются. Да и какие доказательства: пьяный, мог потерять, уронить...

– А снотворное... так быстро и сильно действует?

– Разное есть. Например, барбамил. Есть и посильней, надо в справочнике посмотреть. А с водкой его действие усиливается.

– Почему-то я версию со снотворным отбросил, – задумчиво сказал инспектор. – А вот с коньяком действительно не уловил.

– В водке горечь или примесь меньше заметна.

Петельников мотнул головой, пытаясь ослабить узел галстука. Но Рябинин знал, что сейчас его давит не галстук, а чуть задетое самолюбие. Так бывало частенько: придет за советом, а получив его, начинает тихо злиться, что не мог додуматься сам. И было не понять – на себя ли он взъелся, на Рябину ли.

Инспектор еще раз криво вертанул головой, побарабанил пальцами по столу и уже спокойно спросил:

– Сергей Георгиевич, возьмешь это дело?

– Да оно же...

– Знаю, – перебил Петельников, – не вашей подследственности. Но в порядке разгрузки, а? С начальством я утрясу...

С начальством инспектор утрясет. Но добровольно просить дело, по которому нет ни доказательств, ни преступника, было мальчишеством.

– А я по своей доброй воле заварил эту кашу, – как бы между прочим сообщил инспектор. – Уже зарегистрировал и завел розыскное дело...

– Не хвались, – буркнул Рябинин. – Утрясай и приноси материал.

Петельников шумно вздохнул, будто самое главное было сделано. Рябинин повернул недовольное лицо к окну – опять он влез в трухлявое дело, в котором ни славы не добудешь, ни удовольствия не получишь.

– Только ты ее поймай, – предупредил он инспектора. – Приметы описаны, где она промышляет, известно.

Инспектор смотрел окостеневшим взглядом поверх рябининского плеча, набывчившись, будто там, за плечом, увидел ее, белесую Иру-Клаву-снотворницу. Рябинин шелестнул бумагами. Петельников ожил, посмотрел теперь на следователя и заметил:

– По-моему, преступность страшно нерентабельна, занятие для дураков. Выгоднее эту сотню заработать, чем так выламываться в ресторане на статью.

– А ты это спроси у нее, – усмехнулся Рябинин, хотя понял, что зря усмехнулся: неглупую мысль бросил Петельников.

Инспектор встал, блеснул галстуком и засветился алюминиевым костюмом, как инопланетный пришелец. Рябинин завистливо смотрел на высокую литую фигуру к которой костюм, казалось, прилип. А на нем любая одежда, даже сшитая на заказ, сидела так, будто в пиджак высыпали мешок картошки.

– Если придет, сегодня и спрошу, – отпарировал Петельников.

– А-а, – понял Рябинин, – вот почему ты выглядишь киноартистом.

Петельников протянул руку. Рябинин вышел из-за стола и легонько хлопнул его на прощание по плечу.

– Хотя и ресторан, а все-таки операция, Вадим, – серьезно добавил он, – насчет снотворного пока предположение, версия. Впрочем, вряд ли она придет туда после вчерашнего. Завтра утром позвони.

Петельников мог подключить к походу в ресторан – у него не поворачивался язык назвать это «операцией» – других инспекторов и даже негласных сотрудников. Он мог прийти и опросить о белой Ире-Клаве всех официантов, но что-то мешало ему двинуться по проторенному пути, может быть, необычность дела. Да и не было гарантии, что у нее нет соучастника среди работников ресторана.

Инспектор из-за плеча стоявшего в дверях парня пошарил взглядом по залу – знакомые официанты не работали, значит, мешать никто не будет. И мест свободных пока нет, тоже к лучшему, можно в ожидании столика хорошенько осмотреться.

Петельников прошелся между рядами, легонько посвистывая и ловя на ходу обрывки фраз и осколки слов. Пожалуй, его лицо сделалось сейчас самым заурядным и пошлым во всем ресторане, и только черные глаза, как чужие, светились любопытством на его игровой физиономии.

Глаза инспектора уголовного розыска видят по-особому, по-ястребиному. В огромном зале, где больше сотни людей ели, пили и колыхались в пепельно-сером дыму, Петельников сразу охватил взглядом трех девиц и стал держать их в поле зрения, хотя сидели они в разных концах ресторана.

Одна худенькая акселерированная девица с бледно-рыжими распущенными волосами... Вторая симпатичная, наверное небольшая, с черными косами, уложенными на голове, как удавы. А третья – беленькая, с короткой мальчишеской стрижкой и заметной грудью. Других одиноких женщин в ресторане не было. Они ждали не кого-то – они ждали вообще. Петельников не знал, как он это определил, но, кажется, только не умом. Он развернулся и прошел у самого столика, где сидела беленькая. Мелькнуло светлое лицо, редкая челка и большие блестящие глаза, чуть выпуклые, красиво выпуклые, отчего казались еще больше. Инспектор сразу почувствовал сжатость в мускулах, во всем теле, словно его кто стягивал. И сразу понял, что это все-таки операция, которая уже началась.

Ему захотелось немедленно сеть к ней за столик, но он вовремя удержался – надо все увидеть со стороны. Инспектор направился к черной с косами, которая сидела ближе к беленькой.

– У вас свободно? – спросил он и ослепительно улыбнулся от зубов до костюма.

– Пожалуйста, – просто ответила девушка.

– Одна скучаете? – поинтересовался инспектор.

– Должен был прийти знакомый офицер. Наверное, задержался на учениях. Петельников и не сомневался, что тот на учениях.

– Не огорчайтесь, – утешил он. – Я тоже офицер, только переодетый.

– Да?! – задумчиво удивилась девушка.

– Ага, – подтвердил инспектор, но, встретившись с ее серьезным и чуть грустным взглядом, подумал, что зря он так откровенно «лепит горбатого», – девчонка вроде не дура.

– Не возражаете посидеть со мной? – спросил Петельников. – Если, конечно, не явится ваш офицер.

– Да уж сию, – усмехнулась она.

– Чудесно! – бурно обрадовался инспектор. – Чур, выбираю я. На мой вкус, а?

Она согласилась. Тут инспектор слегка хитрил: у него было маловато денег, и он хотел упредить ее желания, хотя знал, что эти девушки почти никогда сами не выбирают, не то у них положение. Заказал так, чтобы денег на всякий случай осталось. Даже коньяка не взял, а попросил полграфинчика водки, которую не любил.

Беленькая пока сидела одна. Она ничего не заказывала. Но вот поманила официанта, что-то сказала, и тот через минуту принес сигареты. Она закурила.

– Как вас зовут? – спросил Петельников.

– Вера. А вас?

– Гена, – признался инспектор.

Вера ему нравилась. Тихая, нежеманная, с умным глубоким взглядом и косами-удавами, она сидела спокойно, закурила предложенную сигарету, выпила предложенного вина, но водку пить отказалась.

К беленькой подошел немолодой мужчина, склонился и загородил ее лицо – видимо, спрашивал разрешения сесть. Когда он сел, беленькая сразу пропала за его спиной, как за стеной.

– Не возражаете, если я подвинусь к вам? – спросил Петельников.

– Пожалуйста, – улыбнулась Вера.

Инспектор пересел, и беленькая открылась. Ее сосед уже длинно заказывал официанту, а она красиво курила. Но вдруг беленькая встала и пошла к выходу.

– Извините, Вера, знакомый парень мелькнул в вестибюле.

Петельников шел, идиотски насвистывая. Беленькая спустилась вниз. Он тоже пошел по лестнице. Беленькая дала номерок и получила в гардеробе плащ. Инспектор подошел к швейцару и стал монотонно выяснять, не приходил ли тут его приятель с бородкой, фиксой и в коричневом берете. Она что-то взяла из плаща и пошла обратно. Петельников поблагодарил швейцара и тоже побежал вверх по ступенькам.

– Выпьем, Вера, за начало, – предложил инспектор.

– Начало... чего? – осторожно спросила Вера.

Видимо, она случайно попала на этот пустой ресторанный конвейер, а может, зашла от одиночества. Сейчас ему выяснять некогда.

– За начало всего, Вера. Какое прекрасное слово – начало. Все в жизни начинается с начала. Знакомство, любовь, человеческая жизнь...

Беленькая со своим сотрапезником подняли по третьей рюмке...

Петельников тоже налил, заставив Веру допить ее бокал. Инспектор не боялся охмелеть. Он мог опростать графинчик, а мог второй, не моргнув глазом, – только побледнел бы. Сам иногда удивлялся: стоило приказать организму не пьянеть, и тот слушался, как дрессированная собака. Дома же, в гостях, в праздники, в те редкие дни, когда его дрессированный организм расслаблялся, он пьянел обыкновенно, как и все.

Беленькая пила вино или курила, пуская конусы дыма поверх головы своего партнера. На эстраде заиграл жидкий, но шумный оркестр. Беленькая сразу встала и грациозно положила руку на плечо своего нового друга.

В третьей, акселерированной рыжей девице Петельников ошибся: оказалось, что она держала столик для шумной студенческой компании.

– В какой области подвизаетесь, Вера? Или учитесь? – спросил инспектор и поднял третью рюмку.

– В пищевой промышленности, – усмехнулась она и отпила полбокала терпкого рислинга.

Петельников считал, что усмеваются только умные люди, вроде Рябинина, а глупые хохочут. Ему не нравилось, что она усмехалась. Можно провести удачно любую операцию, кроме одной – внушить женщине, что она тебе нравится. Но, по его расчетам, внушать осталось не больше часа.

– Надеваете эскимо на палочку? – как можно интимнее спросил инспектор.

– Нет, попрошу курей на птицефабрике.

Разговор не клеился, но ему было не до разговора. Он налил себе четвертую рюмку, чтобы заняться ею и помолчать, скосив глаза к беленькой.

Ее мужчина куда-то ушел. Она копошилась в сумочке, быстро вертя в ней руками, будто лепила там пирожки. Инспекторпил противную водку, не чувствуя вкуса.

– Гена, вы кого-то ждете?

– А?

Беленькая что-то нашла в сумке. Но в это время вернулся мужчина и, садясь, загородил ее спиной. Петельников даже дернулся, расплескав остатки водки на подбородок.

– Спрашиваю, вы кого-нибудь ждете?

– Я?

Когда мужчина сел, сумочка уже стояла на столе. Беленькая невозмутимо курила. Всыпала она свое зелье или ухажер помешал?..

– Что вы, Вера, кого мне еще ждать!

– Какой-то вы странный.

– Да что вы, Веруша, заурядный я, как килька.

Он внимательно посмотрел на нее – не ушла бы разобиженная. Вера сидела, скучно уставившись в скатерть.

– Давай еще пропустим, – предложил Петельников и вкусно зевнул, чем-то хрустнув во рту.

Он налил ей сухого, взболтнул свой графин и выплеснул остатки водки в рюмку. И тут же опять зевнул с легким неприличным еком.

– Пардон, – извинился инспектор, махом выпив безвкусную для него жидкость.

Беленькая сидела спокойно, как курящая кукла. Но Петельников смотрел не на нее – теперь он смотрел на него, на мужчину. Тот вдруг как-то волнообразно зашевелил телом, завертелся хорошим штопором в сильных руках. Петельников напрягся, всматриваясь, что с этим мужиком будет дальше. Но тут и беленькая девица волнообразно вздрогнула, будто перед глазами инспектора неожиданно за клубился пар. Он решил, что они сейчас оба свалятся, но не дождался – сильная зевота схватила уже все лицо. Он зевнул несколько раз подряд, отключаясь, как при сладком чихе. Перестав, Петельников огляделся, но зевота опять подступала к челюсти. Зал гудел где-то вдалеке, словно за окном. Дым сгустился, или туман вдруг окутал людей... Сдвинуть бы два стола и лечь на них... Ему стало все равно, ни до чего теперь не было дела – только сдвинуть бы два стола, лечь на них и зевать, зевать...

Он резко вскинул голову, которая ползла вниз, и посмотрел на Веру. И сразу уперся в тягуче-холодный медленный взгляд недрогнувших глаз.

– Вера... работаешь на фабрике...

– Да. Полупотрошу кур.

Петельников собрал все силы, чтобы оторваться от этого взгляда:

– Выйду... Сейчас вернусь...

Он встал, звякнул посудой и пошел, шатаясь и взмахивая руками. Только бы добраться до телефона-автомата в вестибюле. Он даже попросил у швейцара две копейки и уже вроде бы набрал номер, но тут увидел перила. Петельникову пришла мысль положить голову на синтетическую ленту перил и так говорить по телефону – не мешает же. Он прильнул лбом к прохладной поверхности, сразу обмякнув телом. И тут же встретился с томно-напряженным взглядом Вериных глаз – она спускалась по лестнице.

Петельников улегся грудью на перила, и ему стало на все наплевать.

Перед Рябининым белел лист бумаги, чистый, как лесной снег. Юркову исполнилось сорок лет. По каким причинам, Рябинин и сам не понял, но местком поручил ему придумать поздравительный текст для открытки, желательно стихами. Вот поэтому лист бумаги и белел уже полчаса.

Рябинин в очередной раз отвинтил ручку, потер виски, стараясь взбудоражить мысль, и аккуратно вывел:

Наш Володя молодчина.

Сорок стукнуло ему.

Дальше нужна была рифма. Рябинин вздохнул, ухмыльнулся и добавил:  
Все такой же он детина,

Дел кончает больше всех.

Время тратилось явно зря. Рябинин стихи любил читать, но никогда их не писал, кроме зеленой молодости. Но те стихи были про любовь. А тут надо состряпать рифмованный панегирик, к которому не лежала душа. Он перевернул лист на обратную сторону и начал прозой: «Дорогой друг!» Дальше мысль замолкла, словно ее залили цементом: писать банальщину не хотелось, а для оригинальных слов нужны чувства. Дружеский шарж он сочинил бы скорее.

В дверь вскочила секретарь Маша Гвоздикина с бумажками. Она бегала по коридору всегда с охалкой наблюдательных, надзорных, всяких исходящих и входящих.

– Сергей Георгиевич, на вас жалоба гражданки.

Рябинин с удовольствием отложил листок с «Дорогим другом!».

– Маша, а ты получала от граждан письма с благодарностью следователям?

– Но таких жалоб я не видела.

– А что там? – заинтересовался он.

– Пишут, что вы присвоили гроб.

Рябинин поднял голову – Маша не улыбалась, только еще больше заузила и без того узкие, словно замазанные синей краской, глаза.

– Какой гроб?

– Обыкновенный, человеческий.

– Между нами говоря, – понизил голос Рябинин, – я присвоил и покойника.

Маша фыркнула, бросила на стол жалобу и выскочила из кабинета. Рябинин сначала прочел резолюцию прокурора: «Тов. Рябинин С.Г. Напишите объяснение», а потом пробежал жалобу, написанную добротнo и зло. И сразу понял, что выговор ему обеспечен.

Три дня назад он делал эксгумацию трупа. С разрешения вдовы покойника извлекли из могилы и осмотрели. Вдова прислала новый гроб, чтобы при захоронении заменили. Теперь

она писала, что покойника оставили в старом гробу, а новый исчез. В этом и была ошибка Рябинина: пошел дождь, он отправился писать протокол в кладбищенскую контору и при захоронении не присутствовал. Он догадался, что случилось дальше, – рабочие похоронили в старом, а новый продали и пропили.

Рябинин вздохнул – ошибки следователя не зависят от опыта. Эксгумация – такое следственное действие, что труднее не придумаешь. Одна его организация во что обходится, один вид старого трупа чего стоит... Рябинин тогда все внимание бросил на ту рану, которую они искали с судебно-медицинским экспертом, а кто же мог подумать?..

– Говорят, ты гроб утратил? – спросил Юрков, вальяжно вплывая в кабинет.

– Утратил.

– Как же это случилось?

В глазах Юркова была легкая строгость – он не верил, что Рябинин продал гроб, но при случае мог поверить. Рябинин взорвался, потому что Юрков работал с ним не один год. В человека, с которым вместе работаешь, нужно верить всегда. Иначе не стоит вместе работать.

– Откровенно, между нами, по секрету говоря... Только не проговорись! Он у меня дома стоит.

– Не трепись.

– Так прокурору и сообщи: мол, Рябинин признался.

Это было грубо, но не верить товарищу по работе, особенно по такой работе, где при желании можно подозревать на каждом шагу, – подло.

Юрков набычился, склонив крупное загорелое лицо, словно он кивнул при встрече, да забыл поднять голову...

Затрещал телефон. Рябинин взял трубку, решив, что не будет писать поздравление Юркову, пусть кто-нибудь другой.

– Сергей Георгиевич, – послышался звонкий голос, – вырезатель тебя беспокоит.

– А-а, Иван Савелович, привет, – узнал он молодежавшего майора. – Вроде бы моих подопечных в твоём богоугодном заведении нет.

– У меня тут скользкий вопросик, – замялся майор. – Не можешь сейчас подъехать?

– Ну, смотря зачем, – замялся и Рябинин.

– В вырезатель попал в невменяемом состоянии инспектор Петельников.

Рябинин почувствовал, как повлажнела телефонная трубка и сел его голос, хотя он еще ничего не сказал, – голос сел без звука, тихо, внутри.

– Иван Савелович, – сипло произнес Рябинин, – выезжаю.

Петельников спал в кабинете начальника медвырезателя на широком черном диване, лицом к спинке. Было десять часов утра.

– Надо бы сообщить начальнику райотдела, – сказал майор.

– Иван Савелович, даже если бы он не ходил на задание, я бы все равно не поверил, что Вадим может напиться, – возразил Рябинин.

– Так-то оно так, – неуверенно согласился майор, – да ведь порядок такой.

– В конце концов, я вас лично прошу.

– Ладно, шут с вами, – согласился Иван Савелович и махнул рукой, – скрою этот факт.

Они говорили вполголоса, словно боясь разбудить Петельникова, хотя как раз этого и ждали.

– Вы... дружите? – спросил майор.

– Скорее всего, так. Да и работаем по делам сообща.

Петельников вдруг поднял голову, рассматривая черную спинку дивана. Потом повернулся к ним и сел так резко, что Рябинин, приткнувшийся в его ногах, отпрянул. Инспектор, как глухослепонемой, несколько секунд сидел недвижно, ничего не понимая. Мысль вместе с

памятью возвращалась к нему медленно. Он вскочил и зашагал по кабинету. Майор и Рябинин молчали. Петельников ходил по комнате, как волк по клетке, поскрипывая зубами.

– Вадим, успокойся, – сказал Рябинин.

Инспектор вдруг сильно выругался и начал ощупывать карманы в своем серебристом костюме, который даже после бурной ночи не пострадал.

– Удостоверение? – быстро спросил Рябинин.

– Цело, – буркнул Петельников. – Где меня взяли?

– Спал в парадной на полу, – сердито ответил майор.

– А деньги? – еще раз спросил Рябинин.

– Пустяки, сорок рублей было.

Инспектор еще пошарил по карманам и опустился опять на диван. Он о чем-то сосредоточенно думал, хотя все знали – о чем. Иногда потирал лоб, или почесывал тело, или шевелил ногами, словно все у него зудело.

– Вот так, Иван Савелович, – зло сказал Петельников, – теперь могу рассказать подробно, как обируют пьяных.

И он опять скрипнул зубами.

– Вадим, нам нужно срочно работать, – предупредил Рябинин.

– Дайте мне электробритву, – попросил инспектор майора. – Пойду умоюсь.

– Вы тут, ребята, обсуждайте, а у меня свои дела.

Иван Савелович дал бритву и ушел. Минут пятнадцать Петельникова не было, только где-то жужжал моторчик да долго лилась вода. Когда он вернулся, то был уже спокоен и свеж, лишь небольшая бледность да необъяснимый, но все-таки существующий беспорядок в костюме говорили о ночи.

– Стыдно и обидно, Сергей Георгиевич, – признался Петельников и начал подробно, как это может работник уголовного розыска, рассказывать о вечере в ресторане.

Рябинин слушал, ни разу не перебив. Да и случай был интересный, детективный. Он был вдвойне интересен тем, что произошел не с гражданином Капличниковым или гражданином Торбой, а с инспектором уголовного розыска. И втройне интересен, что этот самый инспектор пошел ловить ту самую преступницу.

Петельников кончил говорить и буркнул:

– Спрашивай.

– Твое мнение?

– Самый натуральный гипноз.

Рябинин улыбнулся и даже поежился от удовольствия:

– Жуткий случай, а?

– Меня не тянет на юмор.

– Вот его-то тебе сейчас и не хватает, – серьезно заметил Рябинин. – Пока тебя не потянет на юмор, мы ничего толком не сможем обсудить.

Рябинин вскочил и пошел кругами вокруг стола, ероша и без того взбитые природой волосы. Петельников удивленно смотрел на него – следователь ходил и чему-то улыбался.

– Тебе же повезло! И мне повезло. Да неужели не надоели эти однообразные дела, стандартные, как кирпичи?! «Будучи в нетрезвом состоянии... из хулиганских побуждений... Муж бьет жену... Ты меня уважаешь... Вынес с фабрики пару ботинок...» А тут? Какая женщина, а? Она же умница. Наконец перед нами достойный противник. Есть над чем поработать, есть с кем сразиться!

– У меня болит правый бок, – мрачно вставил Петельников.

– Сходи в баню, попарься березовым веничком. Иди сегодня, а завтра надо приступать.

– К чему приступать?

Рябинин сел на диван рядом с инспектором и уставился в его галстук, на котором серебро и киноварь бегали десятками оттенков. Теперь он видел его вблизи и думал, где это люди берут симпатичные вещи – в магазинах вроде не найдешь, а одеты все красиво. У Рябина было три галстука: один черный и шершавый, под наждачную бумагу; второй ровно-полосатый вроде старых матрасов; а третий неопределенно-мутного цвета с зеленью, как огуречный рассол в плесени. На последнем был изображен знак, который он считал гербом какого-нибудь нового государства, пока однажды не увидел в нем обыкновенную обезьяну. Рябинин стал подозревать, что все время покупал уцененные галстуки.

– Красиво, – заметил он. – Ну так что, Вадим, вся эта история значит?

– Seriously, Сергей Георгиевич, грешу на гипноз. В общем, какая-нибудь телепатия.

– В принципе телепатию я не отвергаю. Но ты опять пошел по сложному пути, а я тебе, помнишь, говорил – природа и преступники выбирают самые краткие и экономичные дороги.

– Девка-то совсем другая! Ничего общего с той, которую описали ребята...

– Что ж, она изменила свой облик?

– Я не знаю возможностей телепатии, – пожал плечами Петельников.

Рябинин медленно поднял руку и как бы между прочим поднес ее ко рту. Инспектор покосился на следователя, который задумчиво обгрызал ноготь на большом пальце. Петельников не мешал, и в кабинете майора стало тихо, и в вытрезвителе было тихо, потому что утром пьяные не поступают. Инспектор смотрел выпуклыми черными глазами на руку следователя, а тот сосредоточенно разделялся уже с мизинцем.

– Их работает двое, – вдруг сказал Петельников.

Рябинин отрицательно помотал головой и медленно спросил:

– Вадим, на первом курсе всегда рассказывают случай, как во время лекций на юрфаке вошел пьяный и начал приставать к профессору?

– Помню, инсценировка. А потом студенты описывают, и каждый по-разному. А-а, вот ты к чему. Но показания наших ребят в общем-то совпали.

– Совпали, – тягуче подтвердил Рябинин.

Он говорил, будто ему страшно не хотелось выталкивать слова изо рта, будто они кончились. Для ясных слов нужна ясная мысль, а его мысль, почти ясную, нужно еще проверять.

– Есть величины постоянные, а есть величины переменные. Если, конечно, такие понятия применимы к человеческому облику. Что мы отнесем к постоянным признакам?

– Ну, рост, плюс-минус каблучки... Комплекцию, цвет глаз... – перечислил Петельников.

– Вот и давай. Твоя Вера какого роста?

– Чуть ниже среднего. Не полная, но плотная, с хорошими формами, такими, знаешь... – Инспектор изобразил руками волнистое движение.

– Чудесно! Ира-Клава ведь тоже такая. Глаза, взгляд?

– Ну, большие... Цвета не рассмотрел, но взгляд вроде задумчивого, смотрит и не спешит.

– Прекрасно! Про такой взгляд говорил и Капличников, – обрадовался Рябинин.

– Сергей Георгиевич, да не может быть! Черные косы вокруг головы, темные широкие брови, знаешь такие, как их называют... кустистые.

– А это, Вадим, величины переменные. В наш век косметики, синтетики, париков, шиньонов и синхрофазотронов из белой стать черной не проблема.

Теперь Петельников молчаливо вперился взглядом в следователя, оценивая сказанное. Рябинин, словно перевалив груз на чужие плечи, расслабился, встал с дивана и сел на край стола. Он молчал, давая инспектору время переварить эту мысль.

– Ну, Вадим, как?

– Не укладывается.

– Подумай, поприменяй к ней. Оно и не должно укладываться. Ты был настроен на беленькую девушку, у тебя сложился определенный образ. Ты от нее уходил?

– Да, за беленькой.

– Ну вот... Капличников и Торба тоже уходили.

– Черт его знает, возможно, – задумчиво произнес Петельников, но было видно – он сейчас не здесь, а там, в шумном ресторане с черной Верой, вспоминает все, что только можно вспомнить. Его грызло битое самолюбие, грызло вместе с ноющим простуженным боком: девчонка разделалась со старшим инспектором уголовного розыска, капитаном милиции, как хоккеист с шайбой. Он пошел ее ловить, а она его ограбила.

– Сергей Георгиевич... – начал Петельников, замолчал, согнулся и что-то поднял с пола. – Вот... кнопку нашел.

– Вадим, об этом случае никто не узнает, – твердо заверил Рябинин.

Петельников ничего не ответил, только глянул на следователя.

Они частенько не нуждались в словах. Рябинин знал: человеку словами не выразить и половины того, что в нем есть. Дружба молчалива. Все истинное немногословно. Все сильное и настоящее лаконично. Все умное кратко.

– Если ее не поймаю, то уйду из уголовного розыска, – мрачно заявил Петельников.

– А я из прокуратуры, – улыбнулся Рябинин и подумал, что теперь уголовное дело в его производстве и провал инспектора – провал следователя.

Следствие не началось, а провалы уже есть. Впрочем, он не знал ни одного серьезного дела, в котором не делались бы ошибки. Не было еще в природе штамповочной машины, выбрасывающей на стол прокурора новенькие блестящие дела.

– А что с удостоверением? – переспросил Рябинин.

– Его век никому не найти.

– Очень хорошо, – довольно поежился следователь.

– Думаешь, украла бы?

– Спугнулась бы наверняка. Теперь мы знаем, где ее искать. Ну, Вадим, спать пойдешь?

– Чего мне спать... Выспался, – усмехнулся инспектор.

– Тогда поехали ко мне составлять план следственных и оперативных действий. А в баню вечером сходишь...

Леопольд Поликарпович Курикин зашел в мебельный магазин, побродил среди диванов и что-то шепнул продавцу. Тот пропал за маленькой дверью и привел лысого, но все-таки удивительно черного человека – даже лысина была темная, словно закоптилась. Курикин отошел с ним в сторону и долго говорил вполголоса. Черный человек округлял большие глаза и раза два ударил себя в грудь. После третьего удара Курикин пожал ему руку и довольный вышел из магазина, – об импортном гарнитуре он договорился.

Стоял тихий теплый вечер, который выдается после дневного сильного дождя. Асфальт прохладно сырел под ногами. Из скверов, из дворов, с подоконников пахло зеленью и задышавшей землей. Как-то мягче, по-вечернему, зашуршал городской транспорт, назойливый и неумолчный днем.

В такой вечер идти домой не хотелось. Тем более грешно идти домой, если жена с ребенком уехала в отпуск. Курикин бесцельно шел по улице. К центру города все оживлялось: больше бежало троллейбусов, ярче светились рекламы, шире стали проспекты и чаще встречались девушки в брючках.

Оказалось, что цель была давно, может быть, уже в час отъезда жены, а может, еще и до отъезда.

Курикин вытер для приличия ноги о металлическую решетку и вошел в вестибюль ресторана «Молодежный», отвернувшись от швейцара, чтобы не видеть его приветствия и потом не давать чаевых.

В ресторане Курикин решил сначала осмотреться. Не шей поесть пришел, а уж если тут, то программа должна вертеться на полную катушку. В вестибюле свободных «кадров» не было. Он поднялся по лестнице к залу и сразу смекнул, что здесь «клюнет». Одна девица в макси тосковала у зеркала, обиженно посматривая на часы, – эта ждала своего. Вторая, в мини, сидела развалясь и держала в пальцах незажженную сигарету. Курикин повертел головой и прошелся по холлу, как спортсмен перед стартом. Он рассматривал ее фигуру. Дело решили полные круглые бедра, чуть расплюснутые сиденьем кресла.

Он встал ближе, но девушка сразу спросила:

– Спичек не найдется?

Курикин элегантно щелкнул зажигалкой. Они перебросились словами, стертыми до бессмысленности. Потом он бросил ей пару слов уже со смыслом. Она откинула с лица метлу каштановых волос и посмотрела на него проникновенно, проникающе. Курикин на этот счет не беспокоился: он знал, что его крупные черты лица женщинам нравятся.

– Как сказать, – задумчиво ответила девушка.

– Такие мужчины на улице не валяются, – заявил Курикин, имея в виду себя.

– Почему ж, – усмехнулась она. – Я у ларьков видела.

– Вы меня оскорбили до глубины мозга костей, – шутливо надулся он, и она даже засмеялась: смешно, когда по-детски надувается человек, у которого могучие челюсти.

– Чем могу искупить вину? – поинтересовалась она.

– Выпить со мной рюмочку коньяка.

– Только одну, – предупредила девушка, рассматривая его томно отрешенным взглядом. – И лучше водки, терпеть не могу коньяк.

– С вами готов хоть рыбий жир, – подхватил ее под руку Курикин и подумал, что с женой так складно не говорилось.

Они вошли в зал. Перед ними тут же вырос, как джинн из дыма, корректный метрдотель в очках, с белой пенистой бородкой.

– Прошу вот сюда, прекрасное место, – повлек их метр к столику на четверых.

– Лучше туда, – не согласилась она и показала в углу столик на троих.

Метр пожал плечами, удивленный, что пренебрегли его советом.

Они сели. Их стол оказался на отшибе. Третий стул Курикин потихоньку задвинул в угол. Пожилой официант сменил скатерть и начал ставить приборы. Курикин ждал молча. Но тут официант как-то перекинул неудачно руку и трехпредметный прибор с солью, перцем и горчицей, словно его долбанули снизу, подскочил и грохнулся на стол, обдав Курикина легкой темно-вишневой пылью. Курикин три раза оглушительно чихнул, опять взбив воздухом облако перца. Он чуть было не чихнул и в четвертый, но утерпел, вытер слезу и сказал официанту:

– Это хамство, а не обслуживание!

Метрдотель с бородкой уже стоял рядом:

– Ради бога, извините его. Сейчас все будет сделано.

Он повернулся к официанту и отчеканил:

– Немедленно уйдите из зала, я вас отстраняю от работы.

– Но у меня еще столики, – виновато возразил официант.

– Закончите их обслуживать и уходите. Новых заказов не брать.

Метр помахал рукой. Откуда-то из двери выскочил молодой рыжий официант, гибкий и энергичный, как гончая.

– Саша, обслужи этот столик.

Пожилой официант ушел к другим столикам. Метр тоже уплыл в зал, зорко поглядывая по сторонам. Рыжий парень сгреб скатерть, быстро все убрал, поставил новые приборы. Потом выдернул из кармана книжечку и склонился, как трактирный половой.

Курикин сделал небольшой заказ, глянул на девушку и добавил, чтобы не посчитала скучным:

– Пока. Для разгона.

Она сидела молча, но когда рыжий парень хотел уходить, подняла руку.

– Слушаю, – сказал он с придыханием на манер «слушаю-с!»

– А ведь ты не официант, – вдруг сказала она.

– Почему... не официант? – взвился рыжий, уставившись на нее нахальными желтыми глазами.

– Скатерть не так постелил... Прибор не туда поставил... Пишут заказ не так... Да и манеры не те, киношные.

– Извините, – смутился парень, – ученик я, на практике.

– Учись-учись, только не обсчитывай, – засмеялся Курикин.

Девушка тоже улыбнулась, кивнула головой, как бы разрешая официанту выполнять заказ. Парень сорвался с места и ринулся между столами – только рыжие длинные волосы заструились.

Курикин шевельнул телом, ощутил боком мебельную пятисотрублевую пачку денег, лежавшую в таком кармане, каких ни у кого не было, и спросил:

– Ну, как тебя зовут?

Рябинин считал, что у следователя в производстве должно быть одно уголовное дело; мысль с волей должны сфокусироваться в одном преступлении.

Во всем остальном он любил многоделие, чтобы его ждали разные начатые работы, как голодные дети по углам. Ему нравилось что-нибудь поделать и перейти к другой работе и в другое место. Он и книг читал сразу несколько.

В восемь часов Рябинин пришел домой. Лиды не было – уехала в командировку. Наскоро выпив чаю и минут десять попыхтев с гантелями, он сел за письменный стол. По просьбе журнала «Следственная практика» Рябинин третий день писал статью о своем старом деле: расследование убийства при отсутствии трупа. Интересно устроена память следователя. У него она была в общем-то плохая: забывал адреса, фамилии людей, мог заблудиться где-нибудь в микрорайоне... Но когда он вел следствие – месяц, полгода ли, – то абсолютно все держал в голове; помнил всех свидетелей, будь их хоть сотня; все показания, даже путанные, каждую деталь – пятно крови на асфальте или слезу на допросе; и уж никогда не забывал места происшествий. Вот и сейчас писал статью по памяти, даже не заглядывая в старые записи.

Зазвонил телефон. Рябинин сегодня не дежурил, да мало ли кто мог позвонить вечером?

– Начинаем, – услышал он глуховато севший голос Петельникова. – Она здесь и взяла клиента.

– Точно она? Не ошибся?

– Теперь ее лицо до смерти буду помнить, – усмехнулся в трубку инспектор.

– Осторожно, Вадим. Смотри, не покажись ей.

– Все идет в норме. Я буду позванивать.

– Обязательно. Задержание с понятиями проведу сам, как и договорились. Может, мне уже выехать?

– Я тогда позвоню.

Петельников положил трубку. Наверное, звонил из кабинета директора ресторана.

Рябинин отодвинул статью. Он не волновался, но пропало то спокойствие, которое необходимо для творчества. Сразу по-другому обернулся тихий домашний вечер – пропала уют-

ность, иначе засветила большая бронзовая лампа, иначе затускнели книжные корешки на стенах и совсем лишним глянулся мягко-расслабленный диван. Мир изменился в секунду. Даже по Лиде заскучал меньше – обычно без нее места не находил. Рябинин посмотрел на свои вкрадчивые тапочки и понял, что он уже на дежурстве.

Время сразу пошло медленнее. Есть у него такое качество, у времени: тягуче плестись, цепляясь стрелкой за стрелку, когда человек ждет не дождется... Вообще останавливаться, когда у человека горе... И нестись, как кванты света, когда выпало человеку счастье.

Рябинин решил заняться другой работой. Он собирал все, что попадалось ему по психологии, – уже полка книг стояла. На журнальные статьи писались карточки. Еще завел картошку на ту психологическую литературу, которой у него не было, но она существовала в других местах. Рябинин вытащил пачку журналов «Наука и жизнь» за прошлый год, при чтении которых выделил статьи и теперь размечал их по карточкам. Работа была кропотливая, но интересная тем, что копила мысли и духовный труд людей. Психология для следователя всегда будет...

Звонок телефона оборвал его мысль резко, будто ток разомкнул. Рябинин снял трубку и посмотрел на часы – уже десять...

– Они уходят, – тихо сообщил Петельников.

– Прекрасно, сейчас я...

– Они договорились к ней домой, – перебил инспектор – Он только пьян...

– Кто-то ее спугнул, – решил Рябинин.

– Некому. Только вот официант...

– Кто он?

– Инспектор Леденцов. Что будем делать? Они берут такси...

– Следите и узнайте адрес. Еще и лучше.

Рябинин хотел добавить, но трубка уже пищала.

Что-то Ире-Клаве-Вере показалось там подозрительным, но не настолько, чтобы все бросить и уйти. Осторожничала снотворница. И все-таки при всей ее хитрости она действовала рискованно – ходила в один и тот же ресторан, да так часто. Он знал, что это сработал могучий стереотип, всесильный консерватизм: получилось раз-два – и она теперь будет промышлять в «Молодежном», пока не увидит серьезную опасность.

Рябинин опять сел за карточки, чтобы вывести четким красивым почерком имя автора, название статьи, номер журнала и год издания. Особенно ему нравилось находить статьи для шифра «СП», что означало «Судебная психология».

Теперь телефон зазвонил через полчаса.

– Да? – почему-то тихо спросил Рябинин, хотя он мог кричать на всю квартиру.

– Все, – сдерживая радость, хрипло сказал Петельников, – птичка в гнездышке.

– Ну-у!

– Вошли в квартиру. Теперь никуда не денется.

– Вадим, надо не только поймать, но и доказать.

– Так что? Будем задерживать?

– Ни в коем случае! Войдешь ты в квартиру, они сидят, выпивают – и что? Здравствуй, я насчет обмена?

– Ну а как?

– Подождите, пока он выйдет. Тут же его опросить, прямо на улице. Теоретически он должен войти с деньгами, а выйти без них. Вот тогда сразу обыск.

– Он может выйти под утро.

– Скорее всего, так. А что делать?..

– Ну ладно, Сергей Георгиевич, спать не будешь?

– Какой уж тут сон.

А спать следовало бы: тот гражданин и верно мог выйти только под утро. С задержанием преступницы Петельников справился бы и без него, но Рябинин думал о доказательствах, которые можно получить сразу в квартире. Оба они делали одно дело, но делали его по-разному. Их работа была похожа на две прямые, которые то идут параллельно, то пересекаются. Обычно люди не отличали работника уголовного розыска от следователя – всех называли следователями. Даже в книгах и телевизионных передачах инспекторов уголовного розыска называли следователями. Все удивлялись, когда узнавали, что инспектор уголовного розыска не имеет права допрашивать – лишь опрашивает. Когда интересовались, чем же отличается инспектор от следователя, Рябинин объяснял на примере: вот человек выхватил у кассира деньги и побежал. За ним бросился инспектор уголовного розыска, задача которого поймать. Догнал, схватил, задержал, но преступник вдруг заявляет – а это не я украл. Вот тут и появляется следователь, который должен разобраться.

Теперь, кажется, не прошло и получаса. Рябинин схватил трубку:

– Сергей Георгиевич, полный ажур!

У Петельникова даже голос изменился, работал на каких-то более высоких частотах.

– Ну, давай-давай, не тяни.

– Он моментально выкатился...

– Это странно, – буркнул Рябинин.

– Мы тут же с ним поговорили, – инспектор от радости не обратил внимания на слова Рябинина. – На пятьсот рублей наколола. Этот парень прямо при нас карман и вывернул...

– Вадим! Постановление мое у тебя есть. Бери понятых и начинай обыск. А я выезжаю.

Петельников позвонил коротко: пусть думает, что вернулся Курикин. Отстранив Леденцова, совсем молодого рыжего оперативника, который рвался вперед, надавил кнопку еще. За дверью зашаркали ленивые шаги. Петельников приготовил ответ, но ничего не спросили – звякнула цепочка и дверь распахнулась широко и свободно.

В прихожей стояла невысокая девушка, миловидная, в цветастом зеленовато-белом халатике, с короткой светлой челкой – стояла, как березка на обочине. Петельникову в какой-то миг даже показалось, что он попал совсем не туда и надо немедленно извиниться. Но тут же задумчиво-волоокый взгляд не от мира сего уперся ему в глаза. Взгляд был спокоен, будто ничего не случилось и никогда ничего не случится. Она узнала его сразу; он видел, что узнала, хотя у нее и волосинка не дрогнула.

– Вам кого? – вежливо спросила она.

– Тебя, милая, – ответил Петельников и шагнул в квартиру. За ним гуськом потянулись понятые, участковый инспектор и Леденцов. Все сбились в передней, кроме Петельникова, который для начала быстро обежал квартиру – нет ли кого еще.

– Хам, – пожалала она плечами.

– Так, – сказал Петельников, вернувшись в переднюю. – Товарищи понятые, садитесь и смотрите, что мы будем делать. А вы, гражданка, предъявите свои документы.

– Дайте переодеться, – попросила она и шевельнула телом.

Сразу все увидели, что халатик на ней детский не детский, но почти все ноги открыты.

Петельников взял со стула юбку с кофтой, глянул, нет ли карманов, и протянул ей. Она лениво приняла одежду и пошла на кухню, словно угадав мысль инспектора, который не хотел, чтобы она закрывалась в ванной. На кухне было спокойнее: квартира на пятом этаже, в окно не выскочит и будет на глазах. Инспектор побрел за ней, как верный пес.

В кухне она усмехнулась:

– Может, отвернешься?

Петельников отступил в коридорчик, повернулся к ней спиной и начал рассматривать комнату, кусок которой был ему виден.

Квартира удивила инспектора. Он думал, что попадет в проспиртованный притон, но оказался в чистенькой, уютной квартирке в старом доме с четырехметровыми потолками и лепными карнизами. Красивые, со вкусом подобранные обои... Книжные полки, подсвечники... На стене висит «Даная» Рембрандта... На столике пишущая машинка и журналы... И какой-то особенный уют, который бывает только в девичьих комнатах, куда не ступает нога мужчины.

Петельников слышал, как она одевается: щелкает резинками, натягивает чулки и вжикает молниями. Он смотрел на букет цветов, который стоял на стеллаже и, казалось, был подобран по всем правилам японской икебаны. В такой квартире читать стихи при свечках, а не обыск делать.

Она еще пошуршала за спиной и затихла.

– Все? – спросил Петельников.

Она молчала. Ее можно было оставить на кухне под присмотром Леденцова, но обыск рекомендовалось делать в присутствии подозреваемого.

– Ну все? – еще раз спросил инспектор и шелохнулся, показывая, что сейчас войдет.

Она молчала. Петельников резко обернулся и шагнул в кухню – там никого не было. Он бросился к окну и рванул раму, но та оказалась запертой на шпингалеты – значит, не открывалась. Петельников заглянул в ванную и туалет, хотя знал, что она могла туда пройти только мимо него. Инспектор опять уже вместе с Леденцовым влетел в кухню, непроизвольно дотронулся рукой до пистолета.

Ее не было, словно она растворилась в воздухе вместе со своими оригинальными духами, которыми еще пахло. А может, пахнул халатик, брошенный на стул.

На второй день Рябинин сидел у себя в кабинете и смотрел в тусклое мутное небо – кусок неба, потому что в городе небо только кусками. Дождя не было, но облака набухли и ползли упорно, набухая все больше.

Инспектор ерзал на стуле, хотел сесть поудобнее, и все никак не получалось. Бывают в жизни такие неудобные стулья, на которых ушлые люди долго не сидят. Работники приходили в уголовный розыск и уходили, ошарашенные темпом, стилем и спецификой; уходили, ничего не увидев, кроме мотания по городу и бессонных ночей; уходили в отделы сбыта и кадров, переучивались, устраивались – уходили, как туристы из музея. Оставались прирожденные сыщики. И сидели на этих жестких неудобных стульях, которые они, и сами не зная почему, не променяли ни на какие бы кресла. Но сидеть было неудобно. Стул скрипел, скользил по полу, будто хотел вырваться из-под инспектора.

– Да не ломай ты мебель, – ворчливо бросил Рябинин.

– Сергей Георгиевич, ну чего ты на меня взъелся!? Отвыкли мы от старых домов и от черных лестниц! Не могу же я все предвидеть...

Рябинин словно ждал этих слов – молчавшего ругать труднее. Он вскочил и пробежался по своему трехметровому кабинету.

– С вытрезвителем, Вадим, я тебе ни слова не сказал. Там ошибиться мог каждый. Но тут! Уже знал, с кем имеешь дело! Черт с ней, с черной лестницей... Почему оставил одну переодеваться?!

– Женщина ведь.

– Понятую бы посадил в кухне, дворничиху. А деньги? Мы их не нашли. Значит, взяла с собой.

– Кофту и юбку я проверил.

– А лифчик ты проверил? А кухню ты проверил, прежде чем пускать ее? Интересно, что тебе сказал начальник уголовного розыска?

– Неприличное слово, Сергей Георгиевич, – вздохнул Петельников.

Инспектор сидел розовый и чем-то непохожий на себя. Следователь замолчал, пытаясь понять, чего же не хватает Петельникову... Самоуверенности. Он потерял самоуверенность, которую обычно носил на себе, как значок. И она шла к нему – вот что странно.

Рябинин кашлянул, чтобы перейти на другой тон, и сказал уже спокойно:

– Чего я злюсь, Вадим... Такой случай больше не представится. Как ее теперь ловить? Жди, когда и где она всплывет...

– Теперь мы знаем ее фамилию. Карпинская Любовь Семеновна, двадцать восемь лет...

– А что толку? Прописываться она же не будет.

Петельников медленно и невкусно закурил. Рябинин ощутил его горечь на своих губах, но все-таки не удержался:

– Глаз-то должен быть у тебя зоркий... На кухонной стене висит ковер... Но кто вешает на кухне ковры?

– Мало ли... Безвкусица, – вяло возразил Петельников.

– Хотя бы вспомнил «Золотой ключик», картину у папы Карло, под которой была дверь. Впрочем, чего я ворчу – у тебя начальник есть. А мне вынь ее да положи.

Петельников сунул руку в широкий карман плаща и действительно вынул и положил катушку с магнитофонной пленкой.

– Вот, в порядке компенсации.

– Где записали?

– В такси.

Рябинин открыл нижнее отделение сейфа и достал портативный магнитофон. По обыкновению, тот ему не давался, как и всякая техника вообще. Он крутил, щелкал кнопками, чертыхался и делал вид, что тот неисправен. Петельников встал, лениво протянул длинные руки, незримо отстранив следователя. Магнитофон сразу гуднул и дернулся катушками. Сквозь скрип и шум, как из космоса, послышались голоса:

«– Понимаешь... Ты мне с первого взгляда пришлась... Один к одному...

– Как это: один к одному?

– Ну, в смысле, раз на раз не приходится.

– Вот теперь понятно. Ты только сиди прямо.

– Курикин сидит, стоит, ходит... живет... прямо. У тебя хата приличная?

– Для тебя сойдет.

– А выпить найдется?

– Ты же в ресторане взял.

– Ты мне сразу... один к одному...

– Понятно: раз на раз. Только не хватай в общественном месте.

– Ты Курикина пойми... У меня жена номер четыре...

– Ясно. А ты, как в ботинках, гони до сорок третьего номера.

– ...Оказалась хуже трех, вместе взятых.

– Чего ж так?

– На почве семейной неурядицы. Смазливая, но тупая. Живу с ней и чувствую – обрастаю собачьей шерстью.

– Дети-то у вас есть?

– Двое. Но я с ней ничего общего не имел.

– Все вы не имели.

– Скажи, ты меня в данный момент уважаешь?

– Вылезай, философ...»

Что-то заскрежетало, звякнуло, и пошел ровный бессловесный шумок.

– Да, маловато, – сказал Рябинин.

– Все-таки, – пытался хоть в этом сохранить позиции Петельников.

– Это не доказательство. Ты же знаешь, что идентифицировать голоса трудно. Она скажет, что не ее голос – и все. А текст в себе ничего не несет. Кроме одного: он пьяный, а она трезвая.

– Думаешь, она домой не вернется?

– Не считай ее дурнее нас.

– Что же придумать?..

Рябинин не знал, что придумать. Он опять повернулся к облакам, которые так и не разразились дождем. А какое было утро – цветное. Высоченное небо, налитое бездонной синью; густые, непролазно зеленые ветки лип с щемящим запахом; белые и светлые дома с четкими гранями, с прохладными углами в утреннем ненагретом воздухе... Но теперь ничего не было – ни погоды, ни настроения.

Рябинин вспомнил последний семинар по криминалистической технике. Прокурор-криминалист, один из тех людей, для которых все новое является откровением, потому что они плохо знают старое, сделал часовой доклад о достижениях современной криминалистики. Эффект был отличный. И все модно: и видеомагнитофоны, и диктофоны, и киносъемка, и силиконовые пасты, и десяток тончайших экспертиз... Но как могла сейчас вся эта кримтехника помочь им найти преступницу?

И Рябинин додумал ту мысль, которую вчера дома оборвал телефонный звонок Петельникова...

Если обвиняемый не признается, хоть вставай перед ним на колени, как поможет видеомагнитофон? В душу его заглянуть – какая нужна экспертиза?.. В жизни человеческой разобратся – какие отпечатки снимать?.. Причину преступления найти – какую лупу вытащить из портфеля?.. Вот Рябинину нужно хоть на минуту перевоплотиться в преступницу и решить, что же она будет делать дальше, сбежав из дому. А он не мог – не знал ее, даже ни разу не видел, хотя в квартире они сняли, видимо, отпечатки ее пальцев.

Главное оружие следователя, которое всегда будет главным, пока существуют преступления, – это психология. Нет психологии – нет следствия. И никакая криминалистическая техника тут не поможет.

Но сейчас не помогала и психология.

Рябинин полистал протокол допроса Курикина, с которым он говорил в жилконторе сразу после обыска.

– Уже немало. Первое: в ресторанах Карпинская больше орудовать не будет. Второе: она обязательно проявит свои криминальные способности в другом месте. Это не та натура, чтобы сидеть в тени.

– Да, эта не засидится, – согласился инспектор. – А вот чем бы сейчас заняться срочным...

– Ждать. Попробуй посмотри связи по месту жительства. Но это ничего не даст, не такой она человек: чтобы наследить. А я пока дело приостановлю.

Петельников ждать не любил – он мог только выжидать. А теперь, когда второй раз упустил эту Карпинскую, ждать не хватало сил.

– Я буду искать. Должны быть родственники, приятели, прежняя работа... Имя-то ее известно.

– Ищи, на то ты и сыщик, – вяло улыбнулся Рябинин и предложил: – А поехали-ка со мной на ее квартиру...

Рябинин решил провести повторный обыск, хотя деньги она наверняка вынесла. Пройшей ночью, расстроенные, они в квартире покопались кое-как. И теперь он хотел осмотреть внимательно и спокойно, надеясь на какую-нибудь улику.

Лицо, одежда, манеры говорили о человеке много, но квартира рассказывала все. Она не могла утаивать, потому что была многолика. Квартира сообщала о характере, вкусе, привычках, здоровье и, самое главное, о стиле. О работе квартира иногда рассказывала больше, чем рабочее место.

Рябинин стоял посреди комнаты, медленно обводя взглядом стены и не зная, с чего начать. Начал с книг.

Три полки, сделаны хорошо и со вкусом, но художественных книг мало и собраны случайно, наспех. Паустовский стоит новенький, зато Конан Дойль заметно потрепан. Некоторые книги томятся в желтых картонках, чего он терпеть не мог. Рябинин взял толстый коричневый том – «Кристаллография». Рядом оказалось «Геологическое картирование».

Он перешел к столу с пишущей машинкой. «Геохимия»... Большой кристалл флюорита – дымчато-лилового, как сирень во льду. Иероглифические студенческие конспекты... Пачка чистой бумаги... Выходило, что за этим столом работали.

На другом столике, маленьком и круглом, как поднос, стояли цветы. Он скользнул взглядом по вазе между прочим, но что-то заставило на ней задержаться. Это «что-то» Рябинин понял не сразу – красивый букет был собран из самых простых полевых цветов: даже лютики желтели, даже был какой-то красный колючий цветок, который вроде бы назывался чертополохом... По краям ваза зеленела листьями мать-и-мачехи. Видеть вещи, квартиру без хозяина всегда грустно – даже при обыске.

Рябинин поднял голову от букета – на стене, над цветами, висела миниатюрная полочка с несколькими томиками стихов. Между книгами, в узких проемах, как на витрине сувенирного магазина, кучками сбились разные жирафы, мартышки, негритята... И дань моде – свеженькая икона, веселая, как натюрморт.

Он опять направился к столу, выдвинул нижний ящик и начал разбирать кипу бумаг. Петельников их ночью перелопатил, искал деньги, но Рябинин искал сведения о личности. Он разглаживал справки, разворачивал листки, раскатывал рулоны и разлеплял конверты. Сомнений быть не могло – она работала или работает в Геологическом тресте, который он хорошо знал.

Шумно вернулся из жилконторы Петельников и подсел к ящику.

– Вадим, вполне очевидно, где она работает.

– Я тоже установил: ездит в экспедицию.

С самого низа ящика инспектор вытянул громадный альбом и несколько пакетов с фотографиями. Теперь он рассматривал каждую карточку – искал знакомое лицо.

Следователь пошел на кухню, кивнул понятым, которые направились вслед. Халат Карпинской по-прежнему лежал на стуле. Видимо, у Рябинина сработала ассоциация: дома, когда тоска без жены доходила до предела, он шел в ванную и нюхал Лидин халат, словно утыкался в ее грудь. И теперь у него сразу мелькнула мысль об одорологии – хоть здесь обратиться к криминалистике.

Рябинин шагнул и понюхал халат.

– Странные духи, – буркнул он и достал из портфеля полиэтиленовый мешок.

В нормальных температурных условиях запах держался часов двадцать. Халат, который одевался почти на голое тело, держал запах дольше. Рябинин достал из портфеля большой пинцет и на глазах удивленных понятых затолкнул халат в мешок, как пойманную кобру, – руками его трогать не рекомендовалось, чтобы не привнести свой запах.

Упаковав халат, он вернулся в комнату. Петельников досматривал фотографии. Кроме недоумения на лице инспектора ничего не было. Рябинин его сразу понял.

– Не нашел?

– Не нашел, – ответил он и швырнул в стол последний пакет.

– Может, не узнал? Фотография ведь...

– Ничего похожего! Лиц много, а ее нет. Выходит, спрятала она фотографии?

– Чего ж ты удивляешься, – спокойно сказал Рябинин. – Меня другое удивляет. Человек с высшим образованием, геолог, а по совместительству воровка и мошенница. Как это понять? У тебя такие преступники были?

Петельников отрицательно качнул головой.

– Вот и у меня не было, – вздохнул Рябинин и сел писать протокол.

Изымал он только один халат. Парики, бутылка коньяка и отпечатки пальцев были изъяты ночью.

– Может быть, Сергей Георгиевич, она преступница века? – мрачно предположил инспектор.

Неужели она, преступница века, образованный человек, не понимала, что ей некуда деваться? Квартиры не было, работы не было, под своей фамилией жить нельзя – только временное существование под фальшивым именем.

– Вадим, – сказал Рябинин, зашелкивая портфель, – пожалуй, ее квартира больше вопросов поставила, чем разрешила.

– Странная девка, – согласился Петельников. – Сейчас поеду в трест.

Рябинин подошел к шкафу, открыл его, начал рассматривать платья, кофты, пальто... И вдруг невероятное подозрение шевельнулось в нем, как зверь в норе. Рябинин усмехнулся, но у подозрения есть свойство засесть в голове намертво и его оттуда уже ничем не вышибешь – только доказательствами. Петельникову он решил пока не говорить.

Инспектор склонился к нему и полушепотом, словно обнаружил Карпинскую под кроватью, сказал:

– Пойдем выпьем по бутылочке пивка.

– Пойдем, – вздохнул Рябинин.

Он не сказал ему о том, что увидел в шкафу.

## Часть вторая

На другой день Рябинин загорелся надеждой от простой мысли: если ее ухажеры теряли сознание, то кто же платил? Видимо, она. Но тогда ее должны запомнить официанты. И вот сейчас он кончил допрос трех работников ресторана, которых ему мгновенно доставил Петельников. Один официант помнил, как расплачивалась девушка, но внешность ее забыл. Второго рассказал, что она повела пьяного парня и вообще не уплатила. А третий ничего не помнил – частенько девушки выводили подвыпивших ребят...

От надежды ничего не осталось.

Выговор Рябину за эксгумацию объявили. В приказе говорилось: «... за халатность, допущенную при захоронении». О гробе не упоминалось, поэтому весь день ему звонили из других районных прокуратур и спрашивали – куда он дел покойничка.

Рябинин удивился самому себе: он не очень расстроился, будто и не ему взыскание. Подумав, понял, почему – наказан не за плохое следствие, а за случай. Он перебрал в памяти все свои взыскания и благодарности и высчитал, что взысканий было побольше. И все за случаи. Поэтому Рябинин не боялся закономерностей – их можно предусмотреть. Но в работе следователя случаев немало, как и в жизни. Мысль Рябина уже перескочила с выговора на другое – побежала по свободному руслу...

Казалось бы, общие законы, впитавшие мудрость жизни, можно применять безбоязненно. Законов было много: криминалистика, уголовное право и уголовный процесс, кодексы, инструкции, приказы, где деятельность следователя расписана, как движение поездов. Были люди, которые основательно усваивали их и применяли универсально; применяли легко, часто и бездумно, словно бросали в автомат двухкопеечные монеты. Этих людей опасно было учить законам, как опасно давать ребенку заряженное ружье. На простой исполнительской работе они были на месте. Но, получив дипломы, эти люди допускались к творческой деятельности. И творили, не понимая, что в общественной жизни нет общих решений, а есть только конкретные. Следователь чаще других оказывается в ситуациях, на которые нет ответов. Уголовное дело – это всегда частный случай.

– Привет наказанным, – сказал Юрков, входя в кабинет. – Как, переживаем?

– Да, пожалуй, не очень, – ответил он и вдруг понял, что все-таки переживает.

– Ничего, переживешь, ты еще молодой, – успокоил Юрков и ушел: проведаль.

Юрков часто говорил, что Рябинин молод, хотя разница у них была всего лет в шесть. Или хотел подчеркнуть свой опыт, или шаблонно упрекал в молодости как в мелком грешке. Рябинин действительно выглядел моложе своих лет. Из «молодого человека» он не выходил. И вообще – у него не было той формы, которая заставляет людей почтительно сторониться или хотя бы взглянуть с интересом. Ни габаритов, ни яркой внешности, ни бородки. Ему даже казалось, что вызванный человек отвечает, говорит и доказывает ему, только как следователю. А работай он, Рябинин, на производстве – повернулся бы этот человек и ушел.

Дверь кабинета открылась – к нему сегодня ходили, как к больному. Пришла помощник прокурора по общему надзору Базалова.

– Ну что, гробокопатель, переживаешь?

– Есть чуть-чуть.

– Береги лучше нервы. Обидно, конечно, за пустяк иметь выговорешник. Господи, как хорошо, что я ушла со следствия!

Лет пять назад Базалова перевелась на общий надзор и до сих пор не могла нарадоваться. Они были одногодки, но у нее, как она говорила, семеро по лавкам – трое детей. Базалова всегда куда-то спешила, и уже никто не мог понять, бежит ли она на предприятие проверять законность или в магазин за кефиром.

– Как детишки? – спросил Рябинин.

– Едят много, – сообщила она и тут же встала. – Ну, понеслась, у меня три жалобы не рассмотрены. А ты не переживай, перемелется.

Она стремительно ушла. Рябинин подумал, что следователю иметь троих детей нельзя – и детей не воспитаешь, и работу завалишь. Следователь Демидова.

Следователь Демидова вошла в кабинет, будто подслушала его мысль за дверью. Небольшая, коренастая, грубоватое крупное лицо, короткие седые волосы подстрижены просто, как отхвачены серпом; в мундире со звездой младшего советника юстиции.

– Мария Федоровна, ты тоже с соболезнаваниями насчет гроба? – спросил Рябинин.

– Видала я твой гроб в гробу, – ответила Демидова и села на стул, закурив сигарету. – Чего тебе соболезнавать? Следователь на это должен чихать. Вот у тебя, говорят, преступница смылась?

– Смылась.

– Похуже гроба, кто понимает.

– Это для следующего розыска.

Если бы его попросили назвать самого цельного человека, он, не задумываясь, указал бы на Демидову. Или описать чью-либо жизнь – интересней он не знал.

– Установочные данные есть?

– Полностью, даже квартиру стережем.

– Тогда поймаете.

– Боюсь, что уедет из города. Придется объявлять всесоюзный розыск.

– Петельников поймают, он парень дошлый. А вот у меня был случай...

Она любила рассказывать истории из своей практики, которыми была прямо нафарширована. Ей исполнилось уже пятьдесят семь, но на пенсию не хотела и была энергичнее практикантов. Биография Демидовой распадалась на две неравные половины: детство до восемнадцати лет, а с восемнадцати – органы прокуратуры. И не было у нее иной жизни, кроме следственной. Ее отношение к работе отличалось, скажем, от юрковского. Тот заканчивал уголовные дела – Демидова боролась с преступностью.

– Или вот еще был случай... Убег от меня парнишка, почуял, что хочу арестовать. Ну, объявила я розыск, жду. Вдруг приходит через месяц, обросший, с рюкзаком, голодный... Не могу, говорит, больше: в подвале, в бочках живу, как Диоген...

Демидова тоже жила одна, как Диоген. Выходила в молодости замуж, посидел муж дома месяца три: жена то дежурит, то допрашивает, то в тюрьме... Посидел-посидел и ушел. Так и жила много лет без личной жизни, без имущества, без иных интересов. Научилась курить, играть на гитаре и петь жалостливые песни из блатной судьбы да при случае могла разделить мужскую компанию и выпить кружечку пивка. А потом взяла и усыновила чужих детей. Начальство ее недолюбливало «за громкий голос», – смеялась она. Но все знали, что за другое качество, которое прокурор района Гаранин деликатно называл «несдержанностью».

– Нет, Мария Федоровна, моя с рюкзаком не придет. Уже прокурор вызывал...

– Э-э-э, прокурор. Знаешь, Сережа, что такое прокурор? Это неудавшийся следователь.

Она презирала всякую иную профессию.

– Посуди сам, – кипятилась Демидова, – ведь разные у них работы, у прокурора и следователя. И общего-то мало. Согласен? И вдруг этот самый прокурор, который сбежал со следствия или никогда его не нюхал, начинает мне давать указания, как допрашивать или делать обыск... Я таких прокуроров – знаешь?! Представь, в больнице врач, терапевт, не справился. Его раз – и переводят на хирургию, может, там справится...

Он смотрел на бушевавшую Демидову и думал, что она, пожалуй, энергичнее его, молодого тридцатичетырехлетнего парня, у которого за сейфом стоит двухпудовая гиря.

Мария Федоровна со злостью придавила в пепельнице сигарету, крутанув ее пальцем.

– Пойду на завод лекцию читать.

Она ушла, но тут же легкой иноходью вбежала Маша Гвоздикина, играя глазами туда-сюда. Были на старых часах такие кошки с бегающими глазами в прорезях над циферблатом.

– Вам прокурор дельце прислал. Распишитесь.

– Чего-то очень тощее, – удивился Рябинин.

– Зато непонятное, – сообщила она, засеменив к двери.

В папке было три бумаги: постановление о возбуждении уголовного дела, заявление гражданки Кузнецовой и ее же объяснение.

«Пять дней назад я, Кузнецова В. И., прилетела в командировку в ваш город из Еревана. Вчера родители позвонили из Еревана и сообщили, что в мое отсутствие они получили телеграмму следующего содержания (привожу дословно): "Потеряла паспорт документы деньги вышлите сто рублей имя Васиной Марии Владимировны Пушкинская 48 квартира 7 Валя". Родители деньги по данному адресу выслали. Заявляю, что документы я не теряла, телеграммы не посылала и сто рублей не просила и не получила. Прошу разобраться и наказать жуликов».

Рябинину сделалось скучно. Даже в разных уголовных делах бывает однообразие – есть же похожие лица, двойники и близнецы. Наверняка эта Кузнецова сказала кому-то в самолете свой ереванский адрес, может быть, самой Васиной или ее знакомой, а скорее всего, знакомому. Рябинин отложил тощее дело – там пока и дела-то не было...

Получил он сегодня выговор, сидел, удрученный и обиженный, с мыслями, которые разбегались в разные стороны. Но зашел неприятный ему Юрков... Забежала домовитая Базалова... Посидела сердитая Демидова... И кажется теперь, что выговор есть, но получен давным-давно, и его уже стоит забыть.

Рябинин опять пододвинул трехлистное дело и подумал, что Петельников ему раскрыл бы эту загадку в один день – только успевай допрашивать. И тут же зазвонил телефон. Рябинин знал, что это Петельников: так уже бывало не раз – он подумает об инспекторе, а тот сразу же звонит.

– Сергей Георгиевич, – голос инспектора прерывался, будто тот говорил слова порциями.

– Да отдышись ты, – перебил Рябинин. – Наверное, только вбежал?

– Никуда я не вбегал, – быстро сглотнул Петельников. – Любовь Семеновна Карпинская в Якутске.

– Как узнал?

– В Геологическом тресте. Я связался по ВЧ с Якутским сыском, Карпинская сейчас там.

– Что ж она, сюда наездами?

– Гастролерша, самое удобное. Наверное, еще и алиби предъявит.

– Летишь?

– Да, в шестнадцать ноль-ноль.

– Желаю успеха, – вздохнул Рябинин и вяло добавил: – Не упусти.

Петельников, видимо, хотел его в чем-то заверить, но промолчал, вспомнив всю историю, – с этой Карпинской зарекаться не приходилось.

– Всего хорошего, Сергей Георгиевич. Завтра позвоню из Якутска.

Рябинин хорошо сделал, что ничего не сказал инспектору и отринул все сомнения.

Но завтра он не позвонил. Не позвонил и через день. Рябинин поймал себя на том, что думает не о предстоящем допросе Кузнецовой, о чем положено сейчас думать, а о Якутске, Петельникове и еще о чем-то неопределенном, тревожном, неприятном. Но вот-вот должна прийти Кузнецова.

У следователей стало модой ругать свою работу. Рябинин и сам ее поругивал, называя спрутом, сосущим нервную систему. Но он морщился, когда следователи не чувствовали в ней той прелести, из-за которой все они добровольно отдавали этому спруту свое тело и душу на растерзание. Одним из таких чудесных моментов Рябинин считал допрос человека. Энтомолог

поймает неизвестную бабочку – и это событие. Следователь же на каждом допросе открывает для себя нового человека, а каждый человек – это новый мир.

Кузнецова оказалась юной элегантной инженершей, только что кончившей институт. Ее на месяц послали в командировку – первая командировка в жизни. Плечи хрупкие; тонкие кисти рук, которые, не будь опаленными ереванским солнцем, казались бы прозрачными; глаза не робкие, но еще студенческие, познающие. В представлении Рябинина, может уже слегка устаревшем, взгляд инженера должен играть разрушительством и созиданием – все сломать и сделать заново. Да и кисти должны быть у инженера покрепче, чтобы собственными руками трогать металл.

– Ну, рассказывайте, – предложил Рябинин.

– Села я в самолет...

– Кто-нибудь провожал? – спросил он, хотя знал, кто мог ее провожать.

– Мама.

– Какой у вас багаж?

– Небольшой чемоданчик я сдала... А в руках сумочка и сетка с пирожками.

– Пирожки с чем? – почему-то спросил Рябинин.

– С мясом, с яблоками... Были с повидлом.

– А с капустой были?

– Нет, с капустой не было, – с сожалением ответила она, серьезно полагая, что все это имеет значение для следствия.

Он уже знал, как она училась в школе: аккуратно и серьезно, с выражением читала стихи, плакала от полученной тройки и с седьмого класса знала, в какой пойдет институт. Но все это не имело отношения к допросу.

– На чемодане вашего адреса не было написано или наклеено?

– Нет.

– А в чемодане были какие-нибудь документы с вашим адресом и фамилией родителей?

– Нет, – подумала она.

– Кто сидел с вами рядом?

– Пожилой мужчина, приличный такой...

– Вы с ним познакомились, поговорили?

– Ну что вы... Он же старый.

– Да, что с ним разговаривать, – согласился Рябинин. – Может, вы с молодым перебрались словами?

– Ни с кем я не перебрасывалась. Лету всего четыре часа.

Он знал, как она училась в институте, – не училась, а овладевала знаниями. Не пропустила ни одной лекции. Вовремя обедала. Делала удивительно чистые чертежи и носила их в тубусе. И ни разу не уступила места в трамвае женщине, не старушке, а усталой женщине с чулочной фабрики – сидела, уложив изящный тубусик на великолепных хрустящих коленках, обтянутых кремовыми чулками с той самой фабрики, на которой работала усталая женщина...

Но следствия это не касалось.

– Прилетели. Дальше что?

– Села в троллейбус и приехала к дяде.

– А кто у вас дядя?

– Оперный певец Колесов, – ответила Кузнецова, и теперь Рябинин увидел в ее глазах, схваченных по краям черной краской, как опалубкой, искреннее любопытство, – она предвкушала эффект от этого сообщения.

– Ого! – радостно воскликнул Рябинин. – И хорошо поет?

– У него баритон.

– Небось громко?

– Еще бы. На весь театр.

На кой черт придумывают тесты! Да привели бы этих проверяемых к нему на допрос... Он уже может сообщить начальнику Кузнецовой, как она работает и что будет с ней дальше. Ничего не будет, кроме тихой карьеры. Нет, не той, из-за которой не спят по ночам, не едят по дням и целиком уходят в пламя творчества, как дрова в золу. Это будет карьера спокойная, от института до пенсии, с хлопотами о прибавке, с намеками о премии и с завистью к тем, которые горят по ночам.

Но все это не касалось следствия.

– В троллейбусе вы тоже ни с кем не знакомились?

– Совершенно ни с кем.

– А у вас в городе знакомых нет?

– Кроме дяди, абсолютно никого.

– И вы никуда ни к кому не заходили?

– Прямо из аэропорта к дяде.

– А как узнали про телеграмму и деньги?

– Мама сначала выслала сто рублей, а потом позвонила дяде. Стала его упрекать, почему он не дал денег.

– А если бы от вашего имени попросили двести рублей? – просто так поинтересовался Рябинин.

– Конечно бы прислали... Разве дело в деньгах? – слегка брезгливо спросила Кузнецова.

– А в чем? – вздохнул он.

И вспомнил, как на первом курсе, еще до перехода на заочное отделение, устроился на полставки истопником. Таскал до пятого этажа связки дров, огромные, как тюки с хлопком. Вспомнил, как однажды всю ночь разгружал вагоны с картошкой, носил какие-то шпалы, а потом широченные ящики и был похож на муравья, который поднимает груз больше своего собственного веса.

– Ну а эта Васина Мария Владимировна вам знакома?

– Впервые узнала о такой из телеграммы.

– Как же так? Никто вас не знает, ни с кем вы не знакомились, адреса домашнего никому не давали... Но кто-то его здесь знает...

– Я и сама не понимаю, – сказала она и пожала плечами. – Но вы-то должны знать.

Вот оно, мелькнуло то, что Рябинин угадывал давно и все думал, почему оно не проявляется, – барственная привычка потребителя, которому должен весь мир.

– Я-то должен. Но я не знаю.

– Как же так? – подозрительно спросила она. – У вас должны быть разные способы.

– Способы у нас разные, это верно. А вот кто украл ваши деньги, я пока не знаю. А вы все знаете?

– У меня высшее образование, – опять пожала она плечами. – Мои знания на уровне современной науки.

– Скажите, – вдруг спросил Рябинин, – у вас было в жизни... какое-нибудь горе?

Она помолчала, вспоминая его, как будто горе надо вспоминать, а не сидит оно в памяти вечно. Кузнецова хотела ответить на этот вопрос – думала, что следователь тонко подбирается к преступнику.

– Нет, мне же всего двадцать три.

– Жаль, – сказал Рябинин.

Видимо, она не поняла: жаль, что ей двадцать три, или жаль, что не было горя. Поэтому промолчала. Нельзя, конечно, желать ребенку трудностей, юноше – беды, а взрослому горя. Рябинин твердо знал, что безоблачное детство, беспечная юность и безбедная жизнь рожают

облегченных людей, будто склеенных из картона, с затвердевшими сморщенными сердцами. Но желать горя нельзя.

– Я разочаровалась в следователях, – вдруг сообщила она.

– Это почему же?

– Отсталые люди.

– Это почему ж? – еще раз спросил Рябинин.

– Не подумайте, я не про вас.

– Да уж чего там, – буркнул он.

– На заводе, где я в командировке, читал лекцию ваш следователь. Такая седая, знаете?

– Демидова.

– Вот-вот, Демидова. Извините, старомодна, как патефон. Рассказывала случаи любви и дружбы. Как любовь спасла парня от тюрьмы. И как дружба исправила рецидивиста... Я думала, что она расскажет про детектор лжи, криминологию или применение телепатии на допросах...

– Но ведь про любовь интереснее, – осторожно возразил Рябинин.

Кузнецова фыркнула:

– Конечно, но во французском фильме или на лекции сексолога. А у нее голова трясется.

То, что накапливалось, накопилось.

– Скажите, вы сделали на работе хоть одну гайку? – тихо спросил Рябинин.

– Мы делаем ЭВМ, – поморщилась она от такого глупейшего предположения.

– Ну так вы сделали хоть одну ЭВМ?

– Еще не успела.

– А пирожки вы печь умеете? С мясом? – повысил он голос на этом «мясе».

– У меня мама печет, – пожала она плечами.

– Так чего же вы... – пошел он с нарастающей яростью. – Так чего же вы, которая ест мамины пирожки и не сделала в жизни ни одной вещи своими руками, судите о работе и жизни других?!

– Судить имеет право каждый.

– Нет, не каждый! Чтобы судить о Демидовой, надо иметь моральное право! Надо надевать ЭВМ, много ЭВМ... Да ЭВМ ваши пустяки, – Демидова людей делает из ничего, из шпаны и рецидивистов. Верно, ее во французском фильме не покажешь. Верно, Софи Лорен лекцию о любви прочла бы лучше... Голова у нее трясется знаете от чего? Ей было двадцать два года, на год младше вас. Бандит ударил ее в камере на допросе заточенной ложкой в шею. Она в жизни ни разу не соврала – это знает весь город. Она в жизни видела людей больше, чем вы увидите диодов-триодов. Она... В общем, о ней имеет право судить только человек.

– А я, по-вашему, кто?

– А по-моему, вы еще никто. Понимаете – никто. Вы двадцать три года только открывали рот. Мама совала пирожки, учителя – знания. А вы жевали. Это маловато для человека. Человеком вы еще будете. Если только будете, потому что некоторые им так и не становятся...

– Почему вы кричите? – повысила она голос. – Не имеете права!

– Извините. Не имею. Подпишите протокол.

Кузнецова чиркнула под страницами не читая. Она сидела красная, уже не элегантная, с бегающими злыми глазами, которые стали меньше, словно брови осели. Рябинин чувствовал, что и он побурел, как борец на ковре. Сейчас, по всем правилам, она должна пойти с жалобой к прокурору – на добавку к пропавшему гробу.

– Вы свободны. Деньги мы ваши найдем. А не найдем, я свои выплачу.

Кузнецова медленно поднялась, пошарила по комнате глазами, словно боясь чего-то забыть, и пошла к двери. Но совершенно неожиданно для него обернулась и тихим убитым голосом сказала:

– Извините меня, пожалуйста.

Рябинин не уловил: поняла она или обрадовалась, что деньги выплатят. А может, не виновата эта девушка ни в чем, как ни в чем не виновата кукла. Искусственного горя человек, слава богу, еще не придумал.

Но все это не имело никакого отношения к допросу.

Раскрыть загадочный случай с деньгами Рябинин намеревался на допросе получательницы Васиной – там лежала отгадка.

Петельников не звонил Рябинину – нечего было сообщать. Он сутки ждал вертолет, потому что Карпинская оказалась в поле, в тайге.

Потом он часа два смотрел вниз на землю, на какие-то проплешины, щетинистые куски тайги, мелкие домики... Далеко она забралась, хотя к стоянке партии был и другой подход, не из Якутска. Девка умная, но элементарно ошибалась. В его практике уголовники не раз бежали в отдаленные области с небольшим населением. Тут их находили легко, как одинокое дерево в степи. Но попробуй отыщи человека в миллионном городе...

Восемь палаток стояли на поляне дугой. В центре лагеря был вкопан длинный обеденный стол. Петельникова удивил окрестный лес, тайга не тайга, но лес большой, – он-то ждал сплошную тундру. К вертолету подошли шесть бородатых людей, обросшие гривами, как львы. Между собой они почти ничем не разнились – только ростом, да трое были в очках.

– Начальник партии, – представился тот, у которого бородка струилась пожиже. – Прошу в нашу кают-компанию.

Петельников, оперативник из Якутска и летчик прошли в самую большую палатку-шатер. В середине простирался громадный квадратный стол, сооруженный из толстых кусков фанеры на березовых чурбаках. Вместо стульев были придвинуты зеленые выючные ящики. По углам стояли какие-то приборы, лежали камни разных размеров, стоял ящик с керном – и висели три гитары.

Петельников с любопытством рассматривал незнакомый быт. Когда все сели за стол, начальник партии деликатно кашлянул. Инспектор понял, что пора представляться.

– Комариков у вас, – сказал он и хлопнул себя по щеке.

– Да, этого сколько хочешь, – подтвердил начальник.

Бородатые парни выжидательно смотрели. Теперь их инспектор уже слегка различал.

– Мне нужна Карпинская Любовь Семеновна, – просто сказал Петельников.

– Она вот-вот должна прийти.

Геологов не удивило, что три человека прилетели на вертолете к Карпинской, – и это удивило инспектора.

– Вы из Института геологии Арктики? – спросил начальник партии, потому что Петельников все-таки не представился.

– Нет.

– Из «Геологоразведки»? – спросил второй геолог, пожилой.

– Нет.

– Из Всесоюзного геологического института?

– Из Института минерального сырья?

– Из Академии наук?

– Да нет, товарищи, – засмеялся Петельников, но мозг его бешено работал.

Из Геологического треста она уже уволилась и перешла сюда. И вот теперь он не знал должности Карпинской, поэтому опасался разговора. В тресте она была геологом. Но Карпинская опустила и могла сюда устроиться и коллектором, и поварихой, и рабочей. Хорошенькое дельце: экспедиция Академии наук прилетела к поварихе. Но его смущало, что геологи такую возможность допускали. Или это была ирония, которую он еще не мог раскусить.

– Все проще, – весело заявил инспектор, – я родственник Карпинской, уезжаю в очень дальнюю командировку. Вот заскочил проведать, попрощаться...

– Понятно, – сказал молодой парень с желтой плотной бородкой прямоугольником, – вы генерал в штатском, а это ваш адъютант.

Все засмеялись, кроме его «адъютанта» – оперативника, крепкого и молчаливого, как двухпудовка. Геологи приняли версию инспектора. Документов они не спрашивали: видимо, вертолет был надежной гарантией. Конечно, проще все рассказать и расспросить. Но с незнакомыми людьми Петельников рисковать не хотел. Среди них вполне мог находиться ее сообщник. Инспектор даже усмехнулся: вдруг вся эта геологическая партия обросших людей со зверскими лицами – шайка с атаманшей Карпинской...

– А родственников принято угощать, – сказал начальник партии и поднялся. – Влад! Организуй чайку.

На столе появился здоровый ромб сала, вспоротые банки тушенки, громадные черные буханки местного хлеба и холодные доли какой-то рыбы. Начальник партии открыл выючный ящик и достал бидон, который оказался запаянным, словно был найден на дне океана. Обращались с ним осторожно, как с магнитометром.

Когда сели за стол, начальник налил в кружки прозрачной жидкости.

– Чай-то у вас незаваренный, – улыбнулся Петельников.

– Потом мы и заваренного сообразим, – пообещал начальник. – За гостей!

Инспектор не знал, что делать. Оперативник из Якутска посматривал сбоку – ждал команды. Не хотелось обижать этих ребят, которые, несмотря на их зверские морды, ему нравились.

Он чуть кивнул оперативнику и взял кружку со спиртом:

– За хозяев!

И сразу рассосался холодок официальности – есть такое качество у спирта. Ребята заговорили о своей работе, весело ее поругивая: комары, гнус, болота, завхоз Рачин, какой-то эманометр и какие-то диабазы, которые лежали не там, где им было положено. Петельников знал эту ругань, в которой любви больше, чем злости.

Пожилой геолог взял гитару, и вроде бы стало меньше комарья. Петельников слушал старые геологические песни, чувствуя, как тепло растекается по телу спирт. Только летчик скучал, молча поедая сало, ибо спирту ему было не положено.

Окончив курс, по городам, селеньям  
Разлетится вольная семья.  
Ты уедешь к северным оленям —  
В знойный Казахстан уеду я.

Начальник партии сунулся в один из ящиков и достал длинный пакет. Он развернул кальку торжественно, как новорожденного.

– Примите подарок от геологов.

Это был чудесный громадно-продолговатый кристалл кварца, четкий и ясный, словно вырезанный из органического стекла. Только чище и прохладнее, как мгновенно застывшая родниковая вода. Петельников принял подарок, мучаясь, чем бы отдарить ребят.

Закури, дорогой, закури.  
Завтра утром с восходом зари  
Ты пойдешь по горам опять  
Заплутавшее счастье искать.

Если бы не существовал на свете уголовный розыск, Петельников остался бы с ними. Все люди в душе бродяги и, не будь отдельных квартир, разбрелись бы по земле.

Я смотрю на костер догорающий.  
Гаснет розовый отблеск огня.  
После трудного дня спят товарищи,  
Почему среди них нет тебя?

Начальник партии опять достал бидон и забулькал над кружками. Вторую порцию инспектор решил твердо не пить.

– Предлагаю тост за Карпинскую Любовь Семеновну, – вдруг сказал начальник.

Петельников поспешно схватил кружку, – этот тост он пропустить не мог.

– Ну как тут она... Люба-то? – быстренько ввернул инспектор, пока еще не выпили.

– Она на высоте, – заверил пожилой геолог, который оказался геофизиком.

– Способная девушка, – пояснил начальник, – кандидатскую заканчивает.

Петельников поперхнулся спиртом. Геологи решили, что у него не пошло. Но он представил удивленно-вздернутые очки Рябина и вспомнил, что Капличникову в ресторане она представилась научным работником.

Жил на свете золотоискатель,  
Много лет он золото искал.  
Над своею жизнью прожитой  
Золотоискатель зарыдал.

Инспектора уже захлестывали вопросы: как ей удалось слетать в город во время полевого сезона, зачем ей столько денег и почему она...

Но тут его молчаливый помощник, выпив вторую порцию, встал, скинул пиджак и повесил его на гвоздик. Геологи сразу затихли, будто у гитары оборвались струны, – на боку гостя, ближе к подмышке, висел в кобуре пистолет.

Петельников не заметил, сколько длилась тишина. Инспектор придумал бы выход – их в своей жизни он придумывал сотни. Но не успел...

– Здравствуйте, братцы, – раздался женский голос, но геологи не ответили.

Петельников резко обернулся к выходу...

На фоне белого палаточного брезента стояла высоченная тонкая девушка ростом с инспектора, с полевой сумкой, молотком в руке и лупой на груди, которая висела, как медальон. Это пришла из маршрута Любовь Семеновна Карпинская.

Но это была не та, кого искал Петельников.

Принято считать, что каждый свидетель сообщает что-нибудь важное, и вот так, от вызванного к вызванному, следователь докапывается до истины. В конечном счете следователь докапывался, но копал он главным образом пустую породу. Чаще всего свидетели ничего не знали или что-то где-то слышали краем уха. Был и другой сорт редких свидетелей. От них часто зависела судьба уголовного дела.

Мысль о Петельникове держалась в Рябине постоянно, как дыхание. Но рядом появилась другая забота – о новом деле. Поэтому он с интересом ждал второго свидетеля.

Мария Владимировна Васина, которая упоминалась в телеграмме, оказалась шестидесятипятилетней старушкой.

– Вот она и я, – представилась свидетельница. – Зачем вызывал-то?

– А вы что – не знаете? – удивился Рябинин.

– Откуда мне знать, сынок? – тоже удивилась старушка, и он поверил: не знает.

Рябинин переписал из паспорта в протокол анкетные данные, дошел до графы «судимость» и на всякий случай спросил:

– Не судимы?

– Судима, – обидчиво сказала она.

– Наверное, давно? – предположил он.

– Вчера, сынок.

– За что? – опешил Рябинин.

– Пол в свой жереб не мою, а квартира обчая. За это и позвал к ответу?

– Не за это, – улыбнулся он и понял, что речь идет о товарищеском суде.

– Я впервой в вашем заведении. У меня сестра знаешь отчего померла?

– Нет, – признался Рябинин.

– Милиционера увидела и померла. От страха, значит.

– Ну уж, – усомнился он.

Начинать допрос прямо с главного Рябинин не любил, но с этой старушкой рассуждать не стоило – завязнешь и не вылезешь. Поэтому он спросил прямо:

– Бабушка, у вас в Ереване знакомые есть?

– Откуда, милый, я ж новгородская.

– А Кузнецовых в Ереване знаете?

– Господь с тобой, каких Кузнецовых... И где он, Ириан-то?

– Ереван. Столица республики, город такой.

– А-а, грузинцы живут. Нет, сынок, век там не бывала и уж теперь не бывать. А Кузнецовых слыхом не слыхивала.

Разговор испарился. Оставался один вопрос, главный, но если она и его слыхом не слыхивала, то на этом все обрывалось.

– Как же, Мария Владимировна, не знаете Кузнецовых? А вот сто рублей от них получили, – строго сказал Рябинин и положил перед ней телеграмму, которую он уже затребовал из Еревана.

Васина достала из хозяйственной сумки очки с мутно-царапанными стеклами, долго надевала их, пытаясь зацепить дужки за седые волосы, и, как курица на странного червяка, нацелилась на телеграмму. Рябинин ждал.

– Ага, – довольно сказала она, – я отстукала.

– Подробнее, пожалуйста.

– А чего тут... Плачет девка, вижу, все нутро у нее переживает.

– Подождите-подождите, – перебил Рябинин, – какая девка?

– Сiju у своего дома в садочке, – терпеливо начала Васина, – а она подходит, плачет, все нутро у нее переживает...

– Да кто она?

– Обыкновенная, неизвестная. Из того, из Ириана. Откуда я знаю. Плачет всем нутром. Говорит, бабушка, выручи, а то под трамвай залягу. Мазурики у нее украли документы, деньжата, всю такую помаду, какой они свои чертовские глаза мажут. Дам, говорит, телеграмму родителям на твой адрес, чтобы сто рублей прислали. А мне что? Вызволять-то надо девку. Дала ей свой адресок. А на второй день пришли эти самые сто рублей. Ну, тут я с ней дошла до почты, сама получила деньги и все до копейки отдала. Вот и все, родный.

Рябинин молчал, осознавая красивый и оригинальный способ мошенничества. Теперь он не сомневался, что это мог сделать только человек, знавший Кузнецову, ее адрес и время командировки.

– Какая она, эта девушка? – спросил он.

– Какая... Обыкновенная.

– Ну что значит – обыкновенная... Все люди разные, бабушка.

– Люди разные, сынок. А девки все на одно лицо.

Рябинин улыбнулся – прямо афоризм. Но ему сейчас требовался не афоризм, а словесный портрет.

– Мария Владимировна, скажите, например, какого она роста?

– Росту? Ты погромче, сынок, я уж теперь не та. Какого росту?... С Филимонику будет.

– С какую Филимонику?

– Дворничиха наша.

– Бабушка, я же не знаю вашу Филимонику! – крикнул Рябинин. – Скажите просто: маленькая, средняя, высокая?

– Откуда я знаю, сынок. Не мерила же.

Васина очки не сняла, и на Рябинина смотрели увеличенные стеклами огромные глаза. На молодую он давно бы разозлился, но старушки – народ особый.

– Ну ладно, – сказал он. – Какие у нее волосы?

– Вот вроде твоих, такие же несурзные висят.

Рябинин погладил свою макушку. Он уже чувствовал, что никакого словесного портрета ему не видать, как он сейчас не видел своих несурзных волос.

– Какие у нее глаза? – спросил он громко, словно теперь все ответы зависели только от зычности вопроса.

– Были у нее глаза, родный, были. Как же без глаз.

– Какие?! – крикнул Рябинин неожиданно тонким голосом, как болонка тявкнула: крик сорвался непроизвольно, но где-то на лету перехватился мыслью, что перед ним все-таки очень пожилой человек.

– Обыкновенные, щелочками.

– Какого цвета хоть?

– Да сейчас у них у всех одного цвета, сынок, – жуткого.

Придется обойтись без словесного портрета. Но тогда что остается, кроме голого факта, кроме состава преступления?..

– Узнаете ее? – на всякий случай спросил Рябинин.

– Что ты, милый... Себя-то не каждый день узнаю.

– Зачем же вы, Мария Владимировна, совершенно незнакомому человеку даете свой адрес и помогаете получить деньги?

Старушка нацелилась на него мудрыми глазами змеи и спросила:

– А ты б не помог?

– Помог бы, – вздохнул он и с тоской подумал, что у него висает второй «глухарь» – два «глухаря» подряд. Это уже много.

Рябинину показалось, что Петельников подросток – ноги наверняка стали длиннее. Лицо как-то осело, будто подтаяло, и черные глаза, которые и раньше были слегка навывкате, теперь совсем оказались впереди. В одежде исчезла та легкая эстрадность, которой так славился инспектор. Он вяло курил, рассеянно сбрасывая пепел в корзинку.

– Ты мне не нравишься, – поморщился Рябинин.

– Я себе тоже, – усмехнулся Петельников.

– Как говорят японцы, ты потерял свое лицо.

Инспектор не ответил, упорно рассматривая улицу через голову следователя. Рябинин знал, что Петельников человек беспокойный, но это уже походило на болезнь.

– Ничего я не потерял, – вдруг твердо сказал инспектор и добавил: – Кроме нее.

– Выходит, что она привела Курикина в чужую квартиру? – спросил Рябинин.

– Привела, – хмыкнул Петельников, придавливая сигарету. – Она вообще жила там целый месяц. Карпинская полгода в командировке. А эта...

Петельников рассеянно забегал взглядом по столу, подыскивая ей подходящее название. Но в его лексиконе такого названия не оказалось.

Не было таких слов и у Рябинина: то сложное чувство, которое он испытывал к таинственной незнакомке, одним словом не определишь.

– Ну а как же соседи, дворники? – спросил он.

– Соседи... Они думали, что Карпинская пустила жильцов. Она ведь там даже кошку держала...

Опять было просто, красиво и выгодно. Отдельная квартира, запасной выход на черную лестницу – делай, что хочешь, и в любой момент можно выйти через дверь за ковром, не оставив после себя ничего, кроме трех париков.

– А я ведь догадался, что это не ее квартира, – вдруг сообщил Рябинин.

– Почему?

– Когда ты не нашел фотографий, я уже заподозрил. А потом заглянул в шкаф. Вижу, одежда на высокую женщину, очень высокую.

– Чего ж не сказал? – подозрительно спросил Петельников.

– Не хотел отнимать у тебя надежду. А Карпинскую все равно надо было опросить. Вдруг ее знакомая.

Они помолчали, и Рябинин грустно добавил:

– Знаешь, Вадим, мы ее не поймаем.

– Почему? – насторожился инспектор.

– Боюсь, что мы с тобой глупее ее.

– Она просто хитрее, – буркнул Петельников.

– Не скажи... Это уже ум. Не с тем зарядом, но уже большие способности. Я бы сказал – криминальный талант.

Теперь его уже не радовал этот талант. После ресторанных историй Рябинин не сомневался, что ее поймут. Но сейчас ему хотелось, чтобы таланта у нее поубавилось.

– А у меня новое дело, – сообщил Рябинин, – и тоже пока глухо.

Он начал рассказывать. Петельников слушал внимательно, но не задал ни одного вопроса. Видимо, не осталось в его мозгу места для новых дел.

– Знакомые этой Кузнецовой обтяпали, – вяло отозвался инспектор.

– Надеюсь. Вот теперь надо установить всех ее знакомых, – тоже без всякой энергии заключил Рябинин.

Теперь они не шутили и не подкалывали друг друга. Время пикировок кончилось само собой. И сразу из их отношений, из совместной работы пропало что-то неизмеримое, как букет из вина. Но Рябинин был твердо убежден, что без чувства юмора не раскрываются «глухари».

Сначала он услышал шаги, потом ощутил запах духов, который несся впереди той, чьи это были шаги. В кабинет вошла Маша Гвоздикина в новом платье, удивительное платье, которому удавалось больше открыть, чем скрыть. Маша увидела Петельникова, и ее глаза зашлись в косовращении. Петельников давно нравился ей – это знала вся прокуратура и вся милиция, но, кажется, не знал Петельников. В руках Гвоздикина, как всегда, держала бумаги. Наверняка несла Рябинину, но сейчас забыла про них.

– Привет, Гвоздикина, – невыразительно кивнул инспектор, сделав ударение на первом слоге, хотя она не раз ему объясняла, что фамилия происходит не от гвоздя, а от гвоздики. – Как наука? – спросил он.

Маша училась на юридическом факультете.

– Спасибо, – щебетнула она. – Вот надо практику проходить. К вам нельзя?

Петельников обежал взглядом ее мягко-покатую фигуру, которую он мог представить где угодно, только не на оперативной работе.

– Куда – в уголовный розыск?

– А что? – фыркнула Маша. – У вас интересные истории...

– Интересные истории вот у него, – кивнул инспектор на следователя.

– У кого? – удивилась она, оглядывая стол, за которым сидел только Рябинин: лохматый, в больших очках, костюм серый, галстук зеленый, ногти обкусаны. Казалось, что только теперь Гвоздикина его заметила и вспомнила, зачем пришла. – Еще заявление по вашему делу. – Она ловко бросила две бумажки.

Петельников с Гвоздикиной лениво перебрасывались словами. Рябинин читал объяснения, которые взяли работники милиции у женщины. Рябинин не верил своим глазам – такой же случай, как с Кузнецовой-Васиной. Хоть бы чем-нибудь отличался! Даже сумма сторублевая. Одно отличие было, и, может быть, самое важное: Кузнецова прилетела из Еревана, а новая потерпевшая – Гущина из Свердловска. Он сравнил места работы и объекты командировок – тоже разные.

– Вадим Михалыч, – допытывалась Маша, – а у вас были страшные случаи? Такие, чтобы мороз по коже.

– У меня такие каждый день, – заверил Петельников.

– Расскажите, а? Самый последний, а?

– Ну что ж, – согласился инспектор и вытянул ноги, перегородив кабинет, как плотиной. – Забежал я вчера под вечер в морг, надо было на одного покойничка взглянуть.

– Зачем взглянуть? – удивилась Гвоздикина.

– Вдруг знакомый. Всех покойников смотрю. Значит, пока я их ворочал, слышу, все ушли. Подбегаю к двери – заперта. Что такое, думаю. Стучал-стучал – тишина. Как говорят, гробовое молчание. Что делать? Был там у меня один знакомый Вася...

– Вы же сказали, что все ушли? – перебила она.

– Правильно, все ушли. А Вася остался, лежал себе под покрывалом и помалкивал. Васю я хорошо знаю...

– Вася-то... он кто? – не понимала Маша.

– Как кто? – теперь удивился Петельников. – Можно назвать моим хорошим знакомым. Встречались не раз Я его и вызывал, и ловил, и сажал. Приятель почти, лет восемь боролись. А лежит спокойно, потому что помер от алкоголя. Ну, подвинул я его, лег – и на боковую.

– Зачем... на боковую?

Теперь Гвоздикина смотрела прямо, зрачки были точно по центру – глаза даже вытянутыми не казались.

– Ну и вопрос! – возмутился инспектор. – Что мне, на следующий день идти на службу не выпавшись? Вася человек спокойный, он и при жизни тихоня был, только бандит. Просыпаюсь утром, кругом поют.

– Кто... «поют»? – ошарашенно спросила Маша.

– Птички за окном. Поворачиваюсь я на бок, а Вася мне и говорит: «Доброе утро, гражданин начальник». Хрипло так говорит, противно, но человеческим голосом...

– Так ведь он... – начала было она.

– Все нормально. Решили, что Вася скончался, и привезли в морг, чтобы, значит, вскрыть и посмотреть, отчего бедняга умер. А чего там смотреть – Вася умрет только от напитков. Находился он в тот вечер в наивысшей стадии алкогольного опьянения, которая еще неизвестна науке. Человек не дышит, сердце не работает, мозг не работает, а ночь пролежит, протрезвеет – и пошел себе к ларьку...

– Врете? – вспыхнула Гвоздикина.

– Процентов на двадцать пять, – серьезно возразил Петельников. – С покойниками рядом я спал.

Рябинин смотрел между ними в одну точку – прямо в сейф. Смотрел так, будто сейф приоткрылся и оттуда выглянул тот самый покойничек Вася, с которым спал инспектор.

– Ты чего? – спросил Петельников.

– Вадим, еще один аналогичный эпизод со ста рублями.

– Те же лица?

Рябинин рассказал.

– Выходит, здесь знакомые Кузнецовой ни при чем, – решил инспектор.

Они замолчали. Маша не уходила, не спуская опять окосевших глаз с Петельникова и глубоко дыша, будто ей не хватало кислорода. Инспектор автоматически вытащил сигарету, но, покрутив ее, помяв и повертев, воткнул в пепельницу.

– Пожалуй, – медленно сказал Рябинин, – второе мое дело посложней, чем снотворное. Тут я не понимаю даже механизма. Люди прилетают из разных городов, никому ничего не говорят, ни с кем не знакомятся, но домой идут телеграммы с просьбой выслать деньги. Она...

Он так и сказал – «она». Что случилось потом, Маша Гвоздикина толком не поняла, но что-то случилось.

Рябинин вскочил со стула, наклонил голову, пригнулся и уперся руками в стол, словно собирался перескочить его одним махом. И Петельников вскочил и тоже уперся в стол, перегнувшись дугой к Рябинину. Они смотрели друг на друга, будто разъярились, – один большими черными глазами, второй громадными очками, которые сейчас отсвечивали, и Маша вместо глаз видела два ослепительных пятна. Не будь они теми, кем были, Гвоздикина бы решила, что сейчас начнется драка.

– Ой! – непроизвольно вскрикнула она, потому что Рябинин, словно уловив мысль о драке, размахнулся и сильно стукнул Петельникова по плечу – тот даже пошатнулся. Но инспектор так долбанул сбоку ладонью следователя, что тот сел на стул.

– Это она... Она! – блаженно крикнул Рябинин. – Как же я раньше не понял! Ее же почерк...

Он опять вскочил, попытался походить по кабинету, но места не было – сумел только протиснуться между Петельниковым и Гвоздикиной.

– Нет, Вадим, нам ее никогда, запомни, никогда не поймать. Она творческая личность, а мы с тобой кто – мы против нее чиновники, буквоеды, службисты...

– Сергей Георгиевич, предлагаю соглашение. Ты додумайся, как она это делает, а мы с уголовным розыском ее поймаем.

– Хитрый ты, Вадим, как двоечник. Да тут все дело в том, чтобы додуматься.

Он отошел к окну и посмотрел на улицу. Нашупав золотую жилу, она будет разрабатывать, пока тень инспектора не повиснет над ней. Теперь все дело заключалось в том, чтобы додуматься до того, до чего додумалась она.

– Мы отупели, – сказал Рябинин. – Если бы ты не пошутил о покойничках, нас бы не осенило.

Рената Генриховна Устюжанина, крупная решительная женщина сорока пяти лет, с сильными немаленькими руками, какие и должны быть у хирурга, обычно возвращалась домой часов в восемь вечера. Но сегодня, после особенно трудной операции, она решила уйти пораньше, – хоть раз встретить мужа горячим домашним обедом. Устюжанина зашла в гастроном и в два часа уже отпирала свою дверь.

В передней Рената Генриховна скинула плащ, отнесла сумку с продуктами на кухню, заскочила за халатом в маленькую комнату и пошла к большой – у нее была привычка обходить

всю квартиру, словно здороваясь. Она толкнула дверь, переступила через порог – и в ужасе остановилась, чувствуя, что не может шевельнуть рукой.

Перед трюмо, спиной к ней, стояла невысокая плотная девушка и красила ресницы. Устюжанина онемело стыла у порога, не зная, что сделать: спросить или закричать на весь дом. Она даже не поняла, сколько так простояла, – ей показалось, что целый час.

– Что скажете? – вдруг спросила девушка, не переставая заниматься косметикой.

Рената Генриховна беспомощно огляделась – ее ли это квартира? На торшерном столике лежит раскрытая книга, которую она читала перед сном. На диване валяется брошенный мужем галстук...

– Что вы тут делаете? – наконец тихо спросила она.

– Разве не видите – крашу ресницы, – вызывающе ответила девушка, убрала коробочку с набором в сумку, висевшую через плечо, и повернулась к хозяйке.

Симпатичная, с чудесными черными волосами, брошенными на плечи, с волглыми глазами, смотрящими на Ренату Генриховну лениво, словно она тут ни при чем и не ее они ждали – эти глаза.

– Кто вы такая? – уже повысила голос Устюжанина.

– А вы кто такая? – спокойно спросила незнакомка, села в кресло, достала сигареты и красиво закурила, блеснув импортной зажигалкой.

От ее наглости у Ренаты Генриховны перехватило дыхание, чего с ней никогда не бывало – даже на операциях. С появлением злости возникла мысль и сила. Она шагнула вперед и четко произнесла:

– Если вы сейчас же не уйдете, я позвоню в милицию!

Девушка спокойно усмехнулась и пустила в ее сторону струю дыма, синевато-серую и тонкую, как уколола стилетом.

– Да вы успокойтесь... мамаша. Как бы милиция вас не вывела.

– Что, в конце концов, это значит? – крикнула Устюжанина и уже пошла было к телефону.

– Это значит, что я остаюсь здесь, – резко бросила девушка. – Это значит, что он любит меня.

И тут Рената Генриховна увидела большой чемодан, стоявший у трюмо. Она сразу лишилась ног – они есть, стоит ведь, но не чувствует их, будто они мгновенно обморозились.

Устюжанина оперлась о край стола и безвольно села на диван. Последнее время она замечала, что Игорь стал немного другим: чаще задерживается на работе, полюбил командировки, забросил хоккей с телевизором и начал следить за своей внешностью, которую всегда считал пустяком. Она все думала, что он просто сделался мужчиной. Но сейчас все стало на место, какого она даже в мыслях не допускала – по крайней мере, в отчетливых мыслях.

– Что ж, – спросила Рената Генриховна растерянно, – давно вы?..

– Давно, – сразу отрезала девушка. – И любим друг друга.

– Почему же он сам?..

– А сам он не решается.

– Ну и что же вы... собираетесь делать?

– Я останусь тут, а вы можете уйти, – заявила девица, покуривая и покачивая белыми полными ногами, от которых, наверное, и растаял Игорь.

Ренате Генриховне хотелось зарыдать на всю квартиру, но последняя фраза гостьи, да и все ее наглое поведение взорвали ее.

– А может, вы вместе с ним уберетесь отсюда? – сдавленно вскрикнула она.

– Мне здесь нравится, – сообщила девица.

Устюжанина была хирургом. Эта работа требовала не только крепкой руки, но и твердых нервов, когда в считанные секунды принимались решения о жизни и смерти – не о любви.

Она встала, взяла нетяжелый чемодан, вынесла в переднюю, открыла дверь и швырнула его на лестницу. Чемодан встал на попа, постоял, качнулся и съехал по ступенькам к лестничной площадке – один пролет. Устюжанина вернулась и пошла прямо на кресло. Девушка все поняла.

– Ну-ну, – поднялась она, – без рук.

Ренате Генриховне хотелось схватить ее за шиворот и бросить туда, к чемодану. Может, она так бы и сделала, но девушка добровольно шла к двери. На лестнице девушка обернулась, хотела что-то сказать, отдуваясь дымом, но Устюжанина так хлопнула дверью, что она чуть не вылетела вслед за незваной гостьей.

Рената Генриховна вернулась в большую комнату.

У нее все кипело от обиды и злости – этот узел надо рубить сразу, как и собиралась сделать это его новая пассия. Не ждать Игоря, не слушать сбивчивых слов, не видеть жалостливых глаз и вообще не пускать его сюда. Давясь слезами, которые наконец вырвались, она схватила с дивана галстук и открыла шкаф. Ей хотелось собрать его вещи в чемодан – только взять и пойти.

Но чемодана в шкафу не было. Она обежала взглядом вешалки. Заметно поредело, как в порубленном лесу. Не было пальто, да и ее мутоновой шубы не было...

Устюжанина рассеянно осмотрела комнату, ничего не понимая. Увидела свою коробочку, где лежало золотое кольцо – коробочка стояла не там. В операционные дни она никогда не надевала украшений. Рената Генриховна открыла ее. Кольцо тускло светилось жирноватым блеском, но восьмидесяти рублей не было. Она бросилась к двери и долго возилась с замком, который раньше всегда открывался просто...

На лестнице никого... На площадке все так же стоял ее чемодан. Она сбежала по ступенькам и втащила его в квартиру – в нем оказались вещи из шкафа, собранные второпях, вместе с вешалками-плечиками. Но уж совсем непонятно, зачем она положила сюда электрический уют – в шкафу лежали вещи и поценнее. И почему оставила этот чемодан на лестнице...

Устюжанина задумчиво походила по квартире.

И вдруг свалилась на диван, захохотав так, что вздрогнуло трюмо и шелестнула раскрытая книга. Рената Генриховна смеялась над собой – так оригинально обворовать ее, пожившую, ученую, неглупую тетку. Боялась потерять любимого человека, но отделалась только восьмьюдесятью рублями. Этой воровке нужны были только деньги. Оказавшись застигнутой, она вмиг придумала выход: набила чемодан вещами потяжелее и разыграла мелодраматическую сценку. И опять Устюжанина смеялась над собой – уже зло, потому что сразу поверила в плохое про Игоря... И вновь смеялась от счастья, как после минувшей беды.

В милицию решила не заявлять – она ценила оригинальные решения, пусть даже преступные. Да и что сказать работникам уголовного розыска – что ее обокрали? Как она сама выбросила чемодан со своими собственными вещами? Что ее обманули? Рассказать, как она не поверила в своего мужа?

Рената Генриховна вздохнула и засмеялась еще раз, представляя, как она расскажет Игорю о краже. А кража ли это, знают только юристы.

Но юристы ничего не узнали.

Рябинин тщательно допросил новую пару свидетелей. Гущина показала, что в дороге никому ничего не рассказывала, знакомых у нее в этом городе нет, и она никого не подозревает. Иванова, пенсионерка, рассказала, в сущности, то же самое, что и Васина. И тоже эту девушку не запомнила.

Итак, два похожих, как пара ботинок, преступления. Они не будут раскрыты, и преступница не будет поймана, пока он не решит задачу – где она получала информацию об адресах, именах родителей и обстоятельствах командировок.

Рябинин полагал, что он только собирается обо всем этом думать, но он уже думал. Мысль пошла в пустоту, как камень, брошенный в небо. И, как камень, возвращалась обратно. Ей не за что было зацепиться: ни цифр, ни расчетов, ни графиков. Рябинин даже вспотел: миллионный город, и в этом городе, в крохотном кабинете, сидит он и хочет путем логических размышлений найти преступницу – это в миллионном-то городе! И ничего нет: ни электронно-вычислительных машин, ни кибернетики, ни высшей математики – только арифметика. Да в канцелярии лежат счета, на которых Маша Гвоздикина считает трехкопеечные марки. Он злился на себя, на свою беспомощность, на отставание гуманитарной науки от технического прогресса...

Ну вот, сидит он со своей любимой психологией, со своей логикой и не знает, что с ними делать. А за окном электронный век.

Если допустить, что она была в Ереване и Свердловске, где узнала про потерпевших? Нет. Слишком маленький разрыв во времени, да и очень дорогой и громоздкий путь.

Рябинин посмотрел на часы – оказывается, он уже просидел полтора часа, рассматривая за окном прохожих.

Если допустить, что она летала на самолетах... Нет. Во-первых, опять-таки громоздко. Во-вторых, легко попасться – с самолета не убежишь. И в-третьих, невыгодно – все на билет уйдет.

Если допустить, что у нее знакомая стюардесса... Вряд ли. Стюардессы хорошо зарабатывают, дорожат своей работой, и нет им смысла идти в соучастницы. Но, допустим, жадность. Или она обманула проводницу... Нет. Чтобы подать телеграмму о деньгах, наклейки с адресом или паспорта мало – надо знать имена родителей, и надо знать о командировке. И надо знать, что потерпевшая летит из дому в командировку, а не наоборот. И надо знать имя потерпевшей.

У Рябина вертелся в голове какой-то подобный случай. Что-то у него было похожее, хотя свои дела он помнил – свое не забывается. Или кто-то из следователей рассказывал... А может, читал в следственной практике. Он еще поднапрягся и вспомнил: было дело о подделке авиабилетов – ничего общего.

Если допустить, что потерпевшие кому-то говорили о себе... «Ей» в самолете? Но этот вариант он уже отбросил. Кому-то, кто потом передал «ей»? Тогда этот кто-то должен летать на двух самолетах из Еревана и Свердловска, что маловероятно. Да и какие бывают разговоры в самолетах – необязательные. Потерпевшие могли сказать, откуда они летят, куда летят, зачем, но как могли они в легком разговоре сообщить свой адрес и фамилию-имя-отчество родителей... Это можно сказать только специально для записи в книжечку. Тогда бы потерпевшие запомнили.

Рябинин знал, что он не дурак – вообще-то он умный, хотя в частности бывает дураком. Каждый умный в частности дурак. Ум проявляет вообще, способности – в частности. Но сейчас ему надо решить задачу как раз в частности.

С воздухом он покончил – самолет опустился на землю. Потерпевшие получили вещи и пошли на транспорт. Одна села в троллейбус. Там уж она наверняка ни с кем не говорила: времени мало, да и не принято у нас разговаривать в транспорте с незнакомыми людьми. Здесь передача информации исключалась...

– А? – обернулся Рябинин к двери.

– Оглох, что ли? – поинтересовался Юрков в приоткрытую дверь. – Третий раз обедать зову.

– Нет, спасибо, – отмахнулся Рябинин и сел на стул задом наперед, как Иванушка-дурачок на Конька-Горбунка.

Вторая взяла такси. Времени на дорогу еще меньше, чем в троллейбусе. С шоферами такси разговаривают о погоде, о красоте города, о ценах на фрукты... Она могла, не придавая значения, сказать, откуда прилетела и с какой целью. Но не могла же она сообщить имена

родителей и домашний адрес. И если допустить шофера такси, надо допускать соучастника, а до сих пор преступница работала одна, и это было не в ее стиле.

– Господи, да повернись ты, – слышал он за спиной.

Рябинин повернулся. Помощник прокурора Базалова удивленно смотрела на него изучающим взглядом, как она, наверное, разглядывает заболевшего сына. Рябинин молчал: он видел ее, видел материнский взгляд, доброе полновато-круглое лицо, но видел глазами и каким-то тем клочком мозга, который не думал о преступлении.

– Господи, как хорошо, что я в свое время ушла со следствия, – вздохнула она.

Рябинин не понял, куда девалась Базалова. Когда он оглянулся, ее не было, будто она вышла на цыпочках.

Допустить, что информация утекала уже здесь, из семей, где жили потерпевшие? Все-таки один город, уже не Ереван и Свердловск. Но между семьями не было абсолютно никакой связи, ничего общего, ни одной точки соприкосновения.

Может быть, она, эта колдунья, где-то встречалась с потерпевшими в городе, на работе, в общественных местах. Может быть, нашла каких-то знакомых... Нет, отпадает – обе телеграммы поданы в день прилета потерпевших, и побывать они нигде не успели.

Мысль, которая так и сочилась, как вода в пустыне, высохла. Больше думать не о чем. Или все начинать сначала, с Еревана, со Свердловска, с самолетов. Но Петельников уже там побывал, всех опросил, проверил всех знакомых, поговорил со всеми стюардессами, побеседовал с почтовыми работниками – нигде ни намека.

Рябинин считал, что никаких следственных талантов не существует – есть ум и беспокойное сердце. Чтобы не скрылся преступник, признался обвиняемый или поверил подросток, нужно переживать самому. Так он считал, находясь в нормальном состоянии.

Но сейчас у него было иное состояние, которое врач определил бы как психопатическое. Ему казалось, что другой криминалист эту задачу давно бы решил; что он бездарен, как трухлявое дерево; что зря он в свое время пошел на следственную работу... Да и какой из него следователь – библиотекарь бы из него вышел неплохой. Он уже удивлялся, как проработал столько лет и до сих пор его держат. Рябинин вспомнил свои дела и среди них не увидел ни одного сложного и шумевшего... Не зря прокурор района на него косится, как на огнетушитель, – вроде бы не особенно нужен, а иметь положено. Какой, к чертям, он следователь – разве следователи такие! Они высокие, оперативные, проницательные и неунывающие. Никому не пришло в голову проверить следователей тестами – он не сомневался, что быстро и впопад не ответил бы ни на один вопрос...

Откуда-то запахло табачным дымом. Рябинин все принохивался, размышляя о своей никчемности. Но дым уже поплыл полотенцем, и он повернулся – перед столом сидела Демидова и курила.

– Никак? – спросила она.

– Никак.

– А ты выпей, поспи, а потом по новой за работу.

Если случались неприятности, Рябинин никогда не пил. И во время работы ни разу в жизни не взял в рот спиртного. Вот в радости мог фужер-второй сухого вина, мог и третий. А сейчас сошлись вместе – работа с неприятностью. Им только поддайся, и повиснут руки...

Он не отрываясь смотрел на улицу, грызя авторучку. Теперь уж эти два преступления виделись ему в графическом изображении – хоть оси черти. Первый график – прямая из Еревана. Второй – прямая из Свердловска. Пересеклись они в этом городе. Нет, не пересеклись, а сблизились, очень сблизились. Но если не пересеклись, то откуда она узнала об этих потерпевших? Значит, где-то пересеклись. На работе не могли – разные предприятия, да и преступница ни с какой работой не связана. Оставался город. И он опять вернулся к парадоксу: в городе

есть место, в котором они не могли не быть, коли она про них узнала; но они там не были, потому что телеграмма подавалась в день прилета, а прилетели они в разные дни.

Нет, пути потерпевших нигде не пересекались, а шли параллельно, как два рельса. Вторая находилась уже в Свердловске, а на квартиру первой в Ереван уже летела телеграмма о деньгах. Казалось, этих командировочных встречали у самолета и спрашивали имена родителей и домашний адрес.

На универмаге зажглись зеленые буквы. Рябинин только теперь заметил, что на улицы вползла лиловая мгла: нежная и зыбкая, темная под арками домов и светлая перед его окнами. Он встал и посмотрел на часы – было десять. Только что было десять утра, а теперь стало десять вечера. В желудке ныла легкая боль, пока еще примериваясь. В него нужно что-то вылить, хотя бы стакан чаю. А в голову послать таблетку – она ныла тяжестью, которая распирала череп и постукивала в висках.

Он считал, что потерпевшие сказали правду. А почему? Надо допустить и обратное. В жизни человека случаются такие обстоятельства, о которых не расскажешь. Иногда люди скорее признавались в преступлении, чем в гадливом грешке, от которого краснели следователи. Может, и его командированные что-нибудь утаивают?

Например, познакомилась в самолете с молодым человеком и заехала к нему на часик. Или... Но тогда бы хоть одна из них призналась – не может быть лжи у ста процентов свидетелей. Почему же ста? Если мошенница обманула десятерых, а заявили двое, то будет двадцать процентов. И почему ложь? Возможно, командированные женщины какому-нибудь пикантному обстоятельству не придают значения, например знакомству с молодыми людьми, и теперь встречаются с этими ребятами и не хотят, чтобы их вызывали в прокуратуру. Но ведь эти ребята должны быть не ребятами, а одним лицом. Тогда придется допустить, что он летел и в том, и в другом самолете... Что он связан с ней, с той... Но эту версию Рябинин уже отверг. Да и вторая потерпевшая, Гуцина, на легкомысленную особу не похожа.

В дверь несильно постучали. Рябинин вздрогнул, – стук разнесся в опустевшей прокуратуре, как в осенней даче.

– Да, – хрипло сказал он.

Вошла женщина лет двадцати с небольшим, и, только присмотревшись, можно было наскрести тридцать. Фигура худощавая, невысокая, очерченная мягкокожественной линией. Маленькое точеное личико с большими голубыми глазами, слегка раскосыми и насмешливыми. Волосы неожиданны, как откровение, – густая латунная коса через плечо на грудь.

– Мне нужен следователя Рябинина, – сказала она грудным голосом.

– Я и есть он, – ответил Рябинин хриплым басом, который вдруг прорезался, потому что во рту без еды и разговоров все пересохло.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказала женщина и без приглашения села к столу.

– Слушаю вас, – вздохнул Рябинин.

Она быстро взглянула на часики и виновато спросила:

– А удобно ли? Уже одиннадцать часов...

– Удобно, – буркнул он.

– Восемь лет назад, – с готовностью начала женщина, – я вышла замуж. Он меня любил, я его тоже. Мы поклялись всю жизнь прожить вместе и умереть в один день. Помните, как у Грина? Но случилось вот что: за восемь лет он ни дня, ни вечера не пробыл дома. Только ночует, да и то не всегда. Верите ли, у меня впечатление, что я пустила жильца с постоянной пропиской.

– Подождите, гражданка, – перебил Рябинин. – Он проводит время с другими женщинами?

– Нет, – уверенно ответила она.

– Пьет, играет в карты или ворует?

– Нет.

– Не бьет вас?

– Нет-нет.

– Тогда вы не туда пришли, – объяснил Рябинин. – Мы этим не занимаемся.

Ее удивление было прелестно. Она не понимала, как это может существовать организация, которая не занимается такими вопросами, как любовь. И Рябинин подумал, что ее муж – большой чудак: уходить от такой изумительной женщины. Скользнув взглядом по ее груди, которую она носила осторожно, словно боясь расплескать, он промямлил:

– Никто. Но я могу вам помочь... психологически.

– Большое спасибо, – с готовностью согласилась женщина, и чертовские зеленоватые огоньки забегали в ее глазах, а может, это бегала за окном реклама на универмаге.

– Чем же занимается ваш муж?

– Не знаю. Говорит, что работает.

– Видите, – назидательно сказал Рябинин. – Он же занят делом.

– А разве есть такое дело, ради которого можно забросить любимого человека? – наивнейшим тоном спросила она и даже губы не сомкнула.

Рябинин вскочил и дугой прошелся по кабинету. Маленькие, крепко сомкнутые ножки в кофейных тончайших чулках она поставила изящно-наклонно – чуть под стул, чуть рядом со стулом, как это могут делать только женщины: тогда их ножки начинают смотреться самостоятельно, сами по себе.

Рябинин подошел сзади и легонько провел рукой по ее плечу, косе и груди. Она не шевельнулась.

– Есть такие работы, которые засасывают, как пьянство, – сказал он.

– Неужели? – тихо удивилась она. – Какие же, например?

– Я не знаю, какая работа у вашего мужа... Ну вот, например, моя работа такая...

– А что – тяжело? – спросила женщина и тихо вздохнула.

– Очень, – признался он.

– Кого-нибудь не поймать?

– Не поймать, – ответил он, осторожно расплетая ей косу.

– Наверное, женщину? – предположила она.

– Да, женщину.

– А мужчине женщину никогда не поймать, – заверила она и повернула к нему лицо.

Теперь он увидел полуоткрытый рот сверху, увидел широко-раскосые потемневшие глаза, уже без зеленоватых обличков, грустноватые, как у обиженного ребенка. А всех обиженных в мире – и собак, и людей – вмещало рябининское сердце, как наша планета вмещает на себе все народы, будь их три миллиарда или четыре.

Он наклонился и поцеловал ее в дрогнувший полуоткрытый рот.

– Ты сегодня ел? – спросила она, шурша ладонью по его небритой к ночи щеке.

– Ел. Нет, вроде бы не ел.

– Пойдем домой, – решительно заявила она и встала.

Они вышли на предночную улицу. Рябинин любил их, затихающие, отшумевшие, теплые городские улицы, с редкими прохожими, частыми парочками и красными деревьями в рекламном неоне. Было не светло, но и тьмы не было, хотя та вечерняя лиловая дымка теперь сгустилась и легла на город, как будто залила его тепловатым фиолетовым соком. Но где-то на горизонте светилось небо бледно-зеленой полосой, и оно будет там всю ночь светлеть и зеленеть прозрачным весенним льдом.

– Лида, – сказал Рябинин, – я день просидел в своей камере. Давай съездим за город, на свежий воздух, а?

– Завтра?

- Нет, сейчас.
- Да ведь ночь же! – удивилась она.
- На часик, а? Подышим, и обратно.
- Ты же есть хочешь, – неуверенно согласилась она.

С полчаса они топтались под доской с шашечками. Когда сели в машину, Лида вдруг засмеялась и прильнула к нему:

- Ну и сумасшедший! То домой не идет, а то гулять ночью придумает...

Рябинин промолчал. Может быть, он и был в эти дни сумасшедшим. В конце концов человек, захваченный до мозга костей идеей, – разве не сумасшедший? И разве страстная мысль не похожа на манию? Работать сутками без приказа, без сверхурочных, премиальных и благодарностей – не сумасшествие? Да и что такое «нормальный»? Человек, у которого все аптечно уравновешенно и на каждый минус есть свой плюс? Кто стоит на той самой золотой середине, которую любит обыватель и ненавидит Рябинин?

- Куда поедет? – спросил шофер.
- В аэропорт, – ответил Рябинин и пугливо глянул на жену.

Аэропорт не спал. На летном поле ревели реактивные самолеты, наверное прогревали моторы, но со стороны казалось, что изящно-могучие машины обессилели, не могут взлететь и только надрывно кричат, как раненные звери.

- Чувствуешь, тут ветерок, – сообщил Рябинин, – все-таки мы за городом.
- С летного поля несло гарью. Лида взглянула на мужа. Он тут же перебил ее вопрос:
- Смотри, садится!

Самолет снижался, наплывал в темноте цветными огнями. Казалось, он сейчас покатится перед ними, но самолет куда-то нырнул за ангары, за темные силуэты хвостов, за лес самоходных трапов. Рябинин потащил Лиду к проходу, через который выпускали прилетевших.

Пассажиров сначала подвозили к стеклянному параллелепипеду – багажной. Но она стояла за проходом, практически на летном поле, и туда встречающих не пускали. При желании пройти можно: скажем, помочь вынести чемодан. Но там-то, в багажной, как узнать имена родителей, которых даже в паспорте нет. И в багажной Петельников уже посидел, изучив жизнь ее работников, как четырехправильную арифметику. Багажная отпадала.

Рябинин повел жену в один зал ожидания, потом во второй, потом в третий... Они терпеливо перешагивали через ноги дремавших пассажиров. Но Кузнецова и Гущина сюда не заходили. И все-таки здесь преступница получала информацию.

- В четвертый зал пойдешь? – спросила Лида.
- Рябинин быстро глянул на жену: ни упрека, ни иронии, ни усталости.
- Пойдем в кафе, – предложил он.

Она пошла безропотно, будто у него в кабинете час назад ничем не возмущалась. Он знал, что Лида сейчас его безмолвно утешает, – она умела утешать молча, одним присутствием.

Они взяли крепкого чаю и горку сосисок – ему. Рябинин осматривал зал, механически жуя резиновую колбасу.

- Целлофан-то сними, – засмеялась Лида.

Кафе было огромное, современное и деловое, как и сам аэропорт. Здесь, видимо, не засиживались и не застаивались. И здесь пили только кофе и чай. Нет, это не то место, которое он искал. Рябинин даже перестал жевать – разве он искал какое-нибудь место? Он просто хотел побродить там, где, ему казалось, и произошла завязка. Бродил без плана, без логики, по воле интуиции и фантазии – авось поможет мысли.

- Сережа...
- А?
- Пока ее не поймаешь... ты не вернешься?

– Как? – не понял Рябинин. – Мы сейчас пойдем домой...

– Это ты свое тело повезешь домой... А сам будешь здесь или с той, которую вы ловите, – вздохнула она.

– Лида... – начал было Рябинин.

– Молчи, – приказала она. – Даю тебе три дня на поимку этой ужасной женщины.

– Три дня, – усмехнулся он. – Может, и трех месяцев не хватит.

– Зачем себя так настраиваешь? Вспомни, другие-то дела раскрывал. Да и не одно.

Другие дела раскрывал. Но те дела уже казались легкими, а последнее дело всегда самое трудное. Лида утешала его – теперь словами. Женщины-утешительницы... Мужчине нужна любовь, семья, дети, секс, обеды и все то, что связано у него с женщиной. Но каждому мужчине, даже самому сильному, а может быть, сильному мужчине тем более, нужна женщина-утешительница.

– Сережа, если ты будешь так переживать, то дай бог, если дотянешь до сорока лет, – сообщила Лида.

– А как же пенсия? – спросил он и увидел за столом двух инспекторов уголовного розыска, которые тоже ели по тарелке сосисок. Значит, ведомство Петельникова крутилось в аэропорту денно и нощно. Но вслепую здесь ничего не сделаешь, – тут нужно догадаться.

Рябинин вспомнил, как однажды они с Петельниковым искали преступника, о котором только знали, что номер его домашнего телефона кончается на цифру 89 – в шестизначном номере. Работа шла интересно и споро, а было ее немало. И раскрыли.

– Пойдем, Лидок, домой, – предложил Рябинин, оставляя недоеденные сосиски. – Тебе же завтра на работу.

– Завтра суббота, Сережа.

– Да?! – удивился он.

Что-то в его «да» она услышала еще, кроме простого «да». Лида рассмеялась почти весело, будто он сострил:

– Так сказал, словно страшной субботы ничего нет. Обещаю завтра тебя не держать.

– А мне как раз некуда идти. Я теперь могу работать дома – сидеть и мыслить.

– Чудесно. Будем вместе мыслить. А куда мы идем?

Он опять привел жену к воротам прибытия. Рябинина тянуло к ним, словно его подтаскивал туда один из тех могучих реактивных двигателей, которые стояли на самолетах. Увидит он этот проход с дежурным, и спустится на него озарение, наитие, откровение, хоть голос божий – вот что ему надо в аэропорту. Но оно даже не блеснуло, даже зарницы этого озарения не вспыхнуло.

От ворот прибытия вела широкая асфальтированная пешеходная дорожка, обсаженная молодыми липками – метров двести. Упиралась она в стоянки: справа такси, слева троллейбусы. Вот и весь путь потерпевших. Улетающий человек бродит по залам и кафе, а прилетевший сразу идет по этой аллейке к транспорту.

– Пошли, Лида, – вздохнул Рябинин.

Конечно, чтобы найти брод, приходится много оступаться. Известно, что путь к истине усеян не только открытиями. Ошибки – тоже путь к истине. Но только одни ошибки – разве это путь?

Домой они пришли в два часа. Кажется, не светилося ни одно окно. Но уже светилося небо, на котором луна казалась бледной и немного лишней. Рябинин выпил еще две чашки крепкого чая и устался на эту самую луну.

– Спать будешь? – осторожно спросила Лида.

– А как же, – бодро ответил Рябинин. – Чтобы завтра встать со свежей головой. Только постели мне в большой комнате, на диване, а? А то буду ворочаться, тебе мешать.

Лида усмехнулась. Она подошла и обвила тонкими руками его шею. Руки с улицы были прохладными, как стебли травы в лесной чаще. Она бы могла ничего не говорить, но она не удержалась – поцеловала его легким радостным поцелуем.

Рябинин пошел в большую комнату, разделся, лег на диван и уставился очками в потолок. И сразу повисло медленное время, будто сломались все часы мира и солнце навсегда завашилось за горизонт.

По каждому «глухарю» в уголовном розыске обычно накапливались кипы разного материала. И всегда было несколько человек подозреваемых, которых он отработывал, отбрасывал одного за другим, пока не оставался последний, нужный. Но по этому делу и подозреваемых-то не было. Хоть бы кто анонимку прислал...

Казалось, он перебрал все варианты. Петельников проверил всех лиц, которые так или иначе связаны с потерпевшими; опросил всех работников аэрофлота, которые работали в те дни.

И ничего – как поиски снежного человека. Петельников все делал правильно, но вот он, Рябинин, в чем-то допускал просчет. Видимо, надо отказаться от заданного хода мыслей, изменить ракурс, что ли... Подойти к проблеме с другими мерками, с другим методом. Но где взять этот метод?

Рябинину показалось, что он задремал. Небо еще темнело, луна висела там же – в углу большого окна. И тишина в доме не скрипела паркетом и не гудела лифтом. Значит, еще глухая ночь, которой сегодня не будет конца.

А если она узнавала фамилии потерпевших – это все-таки можно узнать в аэропорту, – звонила по телефону в Ереван или в Свердловск знакомой и просила найти по справочному имени и адрес родителей... Боже, как сложно, а потому нереально.

Если допустить, что встречающие их... Но их не встречали.

Рябинин сел на своем диване. Ему хотелось походить, но чертовы паркетины раскряхтятся на весь дом. Может, и правда начать курить – и красиво, и модно, и говорят, помогает. Он знал, что ему сейчас необходимо переключиться на что-нибудь постороннее, тогда нужная мысль придет скорее. Но он не мог – его мозг был парализован только одной идеей.

Он все-таки встал и тихонько подошел к окну. Нет, луна чуть сдвинулась, даже заметно съехала к горизонту.

Рябинин никогда не делился своими неприятностями с людьми – даже Лида знала только то, что видела. Ему казалось, что посторонним людям это неинтересно. А людей близких он не хотел обременять – нес все беды и заботы на себе, как гроб. Поэтому бывал одинок чаще, чем другие. И сейчас, разглядывая небо, он вдруг хорошо понял волка зимой, севшего ночью на жесткий голубоватый снег где-нибудь под треснувшей от мороза сосной и завывшего на желтую опостылевшую луну. Иногда и ему, как вот сейчас, хотелось сесть на пол и завывать.

Рябинин отошел от окна и лег на диван. Обязательно надо поспать, чтобы завтрашний день не выскочил из недели...

Перевоплотиться бы в эту потерпевшую Кузнецову. Сразу представил, как мама укладывает пирожки, провожает, беспокоится... Как Кузнецова летит, не говоря ни слова соседу, потому что тот старый. А он бы, Рябинин, заговорил как раз потому, что сосед старый. Как выходит из самолета и идет те двести метров – и он бы тоже пошел. Как садится в троллейбус – в незнакомом городе и он бы сразу поехал к родственникам...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.